...в твоей душе всегда будет

ВКУС ФЛАМИНГО

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

МАРИЯ ХАУСТОВА

18+

Мария Хаустова

Вкус фламинго

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хаустова М. А.

Вкус фламинго / М. А. Хаустова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

История человека, прошедшего все этапы исправительной системы времен Советского Союза и Российской Федерации и разочаровавшегося в ней. Книга посвящена матерям, которые отказываются от своих «трудных» детей.Жизнь Саньки Александрова – страдания и борьба. Его идеал – воровская жизнь, которая дала ему крышу, одежду, деньги, круг общения, привилегии. Но идеал будет разрушен. Система окажется гнилой и несовершенной. А тюремная иерархия – мнимой.Дизайн фотообложки: Галина Ульянова. Фото из личного архива.Содержит нецензурную брань.Содержит нецензурную брань.

© Хаустова М. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вкус «Фламинго». Мария Хаустова. 5
Вкус «Фламинго» 7
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Вкус «Фламинго». Мария Хаустова.

Кому? Зачем?

Я работала корреспондентом более девяти лет. Вела информационный правовой проект, в связи с чем, приходилось выслушивать разные позиции сторон и искать вопросы на ответы не только у правоохранительных структур, но и у людей, оказавшихся совсем по другую сторону буквы закона.

Почему они туда попадали, какие поступки совершали и совершали ли, всегда разбирался суд и выносил своё решение. Мне приходилось бывать на разных процессах, но все они были похожи одним – страхом за свою будущую жизнь.

Не важно, кто стоит за решёткой, мужчина или женщина, боятся все. Когда я видела подследственного, которого вот-вот осудят, думала не только о сроке, который ему светит, меня всегда волновало – а что такое могло произойти, что он это совершил? Почему он вырос именно таким? Это же не вдруг произошло… Что этому предшествовало?

В 2012-м году мне удалось получить ответ на этот вопрос дважды. Сначала в кабинете редакции газеты «Новая жизнь», где я тогда и работала, появился мужчина лет 58 и сказал: «Маша, если Вы когда-либо соберётесь писать книгу, сделайте это обо мне. Я отсидел 14 лет и 7 месяцев, а потом меня признали не виновным». Судьба кирилловчанина меня поразила. Он долго рассказывал, что ему пришлось пережить, но начинать книгу я пока не решалась. Видимо, всё до поры и до времени. Несколько месяцев спустя я познакомилась с мужчиной далеко не из нашего района и не скажу, из какой области. Тогда ему было 38 лет. Он недавно освободился из мест лишения свободы и отдыхал в нашем городе у друзей. Кирилло-Белозерский монастырь – место, где не только изучают историю края и России, но и ведут разговор с Богом. У нас там церковь. Беседа с Александром (и не совсем Александровым) у нас завязалась спонтанно и продлилась несколько месяцев. Тогда он мне сказал, что всё началось с пятилетнего возраста. Его воровская биография ведёт отчёт с детства. Именно тогда он впервые украл конфету «Фламинго» и остался безнаказанным. Это была его первая кража, вслед за которой

пошла одна за другой. И вы знаете, сейчас он понимает, что что-то делал не правильно, но до сих пор во всём винит… мать. Самого родного человека, который отказался от него в самом начале его пути. Винит. И, как мне кажется, небеспочвенно. Прочтите и решите для себя сами, права я или нет.

Я уже хотела садиться за книгу, но не только для того, чтобы написать эту историю и сказать, чтоб больше никто не повторял Сашкиного маршрута. Я хотела, чтоб её прочитало два человека – мать Александра и ещё одна знакомая женщина, которая, как кукушка оставляет своих детей везде и повсюду, отказываясь от них, как от котят. Я ни в коем случае не хочу никого осуждать. Я хочу показать, что из этого может выйти.

Толчком к пониманию того, что история Саньки, действительно, нужна, стал и ещё один случай. Я ездила в Череповец и на площади Металлургов познакомилась с ребятишками 10-летнего возраста. Спросила, как дойти до ЧГУ. Они скопом вызвались меня проводить до места, а по дороге один из них – Вася его звали – вынул из кармана моей кожанки телефон и деньги. Я не заметила бы ни в жизнь! А он вдруг сказал: «Я у Вас все деньги свистнул, а Вы даже и не заметили!» Моя рука скользнула в карман и не обнаружила там ни копейки. «Да я давно заметила, – сообразила я. – Просто шанс тебе дала. Вот жду». «Чо – реально заметили? Да? А чего ждёте?» – напугался он. «Да когда обратно положишь», – посмотрела пристально на него я и отвернулась в сторону, будто эта ситуация для меня ничего не значила. Он выпучил глаза и уставился на меня. Я чувствовала на себе его взгляд, а вот как положил всё обратно – нет. «Знаешь, Вася, совсем недавно мне встретился человек, который когда-то вёл себя как ты… – начала я свой рассказ. – Сейчас он сидит на строгом режиме в Шексне. Кстати, не так далеко от вашего города. Не с того начинаешь, паренёк… Подумай».

Ребятишки смолкли, а потом, когда буря утихла, заговорили, закричали: «А пойдёмте с нами сегодня на Соборную! Там вечером драка! С Вами нас точно родители отпустят!»

«Вкус «Фламинго» я осмысливала в течение нескольких лет, и только в 2017-м выложила всё на бумагу. Это история для мам, которые не должны повторить историю женщины, отказавшейся от своего сына. Что из этого вышло? Смотрите!..

Мария Хаустова.

P.S.: Все имена и события в произведении вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями являются случайностью.

Вкус «Фламинго»

Посвящается матерям,
которые отказываются
от своих «трудных» детей.

***

«Руки вверх, я сказал!» – брызжа слюнями, кричал в рупор ментяра. «Стрелять буду!» – неслось чрез пелену мельтешащего в воздухе снега. «Вы окружены!» – раздалась автоматная очередь в холодном воздухе.

Из узких дверок отделения банка друг за другом высыпала команда, облаченная в спецовку и доверху экипированная. «Лежать, б.я!» – прямо на выходе один из красных приложил Саню прикладом. В глазах потемнело, и новоиспеченный террорист упал. Ноги онемели и не могли двигаться. «Какого хрена?! – кричал сиплый голос. – Я спрашиваю, какого хрена он лежит?! Быстро его поднять!»

«Встать, с..ка! Встать! – прилетел чёрный ботинок по скулистому Саниному лицу. – Быстро! Ещё захотел?!» Пелена сошла с глаз и прокатилась красной капелькой по щеке. «Опять…» – пронеслось в его голове…

«Я по два раза не повторяю! – щёлкали редкие зубы во рту опера. – Подъём!»

***

Автозак притормозил у местного отделения полиции и из машины выкинули избитого Саню: «Пшёл!»

Посиневшие от мороза ступни 45-го размера шагали по колючему снегу ментовского двора. «Обувь отдайте…» – медным голосом спросил Александр. «Ага, щас!» – услышал в ответ он раскатистый смех. Босым Саню вели на допрос. Он перепрыгивал замерзшие лужи и пытался не вскрикивать от боли, когда натыкался на острые пики наста, чтоб ещё больше не злить мусоров. Уж он-то знал, чего от них ожидать… «Может, тебе ещё и куртку дать?» – подтрунивали над ним менты. Мурашки по Сашкиной спине не переставали бегать. Причём не только от холода. Такую реакцию его организм выработал ещё в детстве…

Сладкий привкус шоколада

1980–е…

– Сашка! Сашка! Эй! Ну, ты где? – доносился Ленкин голос из кухни. – Иди! Живо! Твоя очередь картоху чистить!

– Моя? – слышался детский голосок из дальней комнаты. – С чего это моя?! Пусть Витька чистит, ну или Серёга с Ванькой! Чо я-то?

– Может, ещё Наташку заставим? Где дак ты первый, а тут дак не причём?! Нет, уж, Сашечкин! Ножик в руки – и смело в бой! – не унималась старшая сестра. – Скоро в школу пойдёшь, а картошку чистить так и не научился!

Но Сашке было не до картошки. Он тянул настольную лампу от стола под кровать, в место, где строем маршировали тараканы. Этот звук раздавленных крыльев коричневых генералов, господствующих в кирпичной трёхэтажке с момента заселения туда жильцов, уже не пугал мальца. Он с азартом истреблял всех и каждого по очереди. Впалые Сашкины глаза следили за передвижением ненавистных жильцов и, прищуриваясь, подавали команду длинным рукам, вооружённым тапками.

«Кр-рщ», – хрустели противные насекомые, до упора размазанные по половицам.

– Сашка! Эй! – вбежала Ленка в комнату.

–Ай! – вскрикнул от боли Сашка, только что ударившийся головой о железную мачту кровати. – Достала, тощая! Вечно всё из-за тебя!

– Сам достал! Обувайся и бегом на кухню мне помогать! Мать с работы придёт – задаст трёпу, что ничего не готово.

– Ой, что она там задаст?! – сгребал в одну кучку маленькими ладошками убитых тараканов Сашка. – Ты ж знаешь – я сбегу, да и всё!

– Есть чем похвастаться! Молодец!

– А чего? И Витьку с собой подобью!

– Витька не побежит!

– Витька?! Ха! – вспрыгнул Сашка с пола и открыл рот, чтобы крикнуть брата-погодку…

«Дилинь… Дилинь… Дилинь-дилинь», – раздалось у входных дверей.

Кудрявая тучная женщина невысокого роста с сумкой-авоськой наперевес появилась в прихожей. «Ребята… Я пришла, – грубым голосом, доставшимся ей от своей матери по наследству, с придыханием астматика прохрипела она. – Картошку пожарили?»

Ленка взяла из маминых рук красную сетку и, стряхнув с её волос какую-то палочку, прилипшую после мытья двух школьных этажей и смены на торфопереработках, унесла продукты на кухню.

«Мам, давай снять помогу», – прибежал Сашка к матери и хотел уже стащить резиновые сапоги с опухших ног. «Не надо, – охая, покряхтывала она. – Витя, Витя, помоги…»

Витька покосился на младшего брата и с надменной ухмылкой прошёл к матери. «Ой, да и снимайте! Не очень-то и хотелось!» – с обидой пробурчал себе под нос Сашка и, развернувшись, потащился к себе в комнату, как в квартире снова раздался звонок. Только теперь уже длинный и протяжный. Казалось, что на кнопку кто-то жал изо всех сил, боясь, что звоночек вырвется и убежит.

«Это папка! Это папка! Папка пришёл! – волчком вился у двери Санька. – Я! Я открою! Я сейчас открою! Мам, пододвинься, я сам!»

Сашка смотрел снизу вверх на маму и не хотел видеть её надменного и одновременно пугающего вида. Она возвышалась над худеньким мальчонком, закрывая всё дверное пространство, в которое со всей яростью уже давно ломился Сашкин отец.

– Надежда, открывай! – слышался пьяный голос из-за тоненького деревянного полотна, покоцанного недавними визитами Виктора.

– Ага! Щас! – дерзила мать. – Бегу и волосы назад! Иди, Витя! Иди отсюда! Я сейчас милицию вызову. Нечего робят пугать.

– Сашку позови, – сухо спросил отец.

– Нет его, бегает где-то…

– Па!.. – хотел крикнуть его Сашка, но сразу ощутил большую полную мамину руку на своём рте. Он мычал, рыпался и пинался.

Мать по обыкновению зажала непослушныша между отекших ног, чтоб тот не мог рыпнуться, а Ленка, прибежавшая на помощь, держала ему рот.

– Надя, не ври! Куда он ночью пойдёт?!

– Какая ночь?! Одиннадцати нет ещё! Глаза разуй! А сын-то в тебя удался! Весь в тебя кровиночка! Вчера в гараже у Михасика нашла – в карты играл, сегодня не знаю, где шляется!

– Заткнись, стерва! Быть такого не может! – пинал Сашкин отец в двери. – Это всё твоё воспинание!

– Допил! Воспинание! Какое воспинание? Это всё ты! Ни денег, ни товару, ни помощи! Наштругал семерых, и до свидания!

– Я настругал?! – кричал разъярённый Сашкин отец. – Да я тебя с троими взял! Гуманитарий! Посчитай на досуге!

Сашка уже не рыпался, а просто ждал финала всей этой истории. Он настолько привык, что к нему почему-то никогда не пускают отца, а мать угнетает его всякий раз, когда он начинает ему радоваться, что воспринимал это как само собой разумеющееся.

«Лена, вызывай ментов! Он сейчас нам дверь снесёт – самим потом не сделать!» – шепнула она на ухо старшей дочери. «Ага!» – беззвучно кивнула та и метнулась к зелёному пузатому телефону, стоящему неподалёку на тумбочке. Девочка запихнула тоненький пальчик в кружочек диска с цифрой «ноль» и прокрутила до металлической отметки, потом то же проделала с «двойкой».

«Па! Беги! Они ментов вызывают!» – отдохнув без Ленкиной руки, прокричал Сашка отцу. «Идиот!» – со злости стукнула его мать.

– О! Санька! А говорили – нету! – в гневе батько ударил по косяку. – Саня! Я тебе конфет принёс! Эй! Слышишь! Эта дура не пускает! Ну да и хрен с ней. О-о, Семёныч! А ты какими судьбами? Я, вроде, подкрепление не вызывал! Сашка, слышь! Семёныч пришёл! Слышишь?! Матка твоя – дура! Опять участкового позвала… А чего его звать-то? Сами что ли не разберёмся?

Мать сидела на корточках под дверьми, и в её глазах угадывался вопрос: «Уйдёт или не уйдёт? Неужели снова драться?»

***

На лестничной площадке второго этажа разговаривали два бывших друга: Витька Александров и Никита Семёнович Байцев.

– Слышь, Семёныч, уйди с глаз моих долой.

– Виктор Николаевич, не могу. Ты на этой неделе третий раз уже приходишь сюда с разборками, а сегодня только вторник.

– Слышь, Семёныч, иди отсюда, пока козырёк тебе не поправил… Ты уже какую по счёту шапку из-за меня меняешь?

– Четвёртую, – поджав губу, промямлил Байцев.

– Ну и вот. Вопросы?

Семёныч, заметив в руке Виктора Николаевича свёрток в типографской бумаге, спросил: «Сашке?»

– Сашке… – вздохнул он.

– А остальным?

– Сашке, я сказал!

– Ты иди, я передам. Не пугай бабу с ребятами. Им от тебя и так досталось. Иди, Александров, иди…

***

Серые брюки скрылись где-то в глубине лестничного пролёта, и Семёныч постучал в двери.

– Надя… Наденька… Возьмите… – протянул он свёрток растрёпанной женщине. – Вот – Виктор Саньке передал. Держите.

– Спасибо, Никита Семёныч. Вы уж извините, что так часто Вас звать приходится… Самой-то мне с ним не справится.

– Да я понимаю всё. Доброй ночи.

Сашка онемевшими ногами котылял по коридору и слёзы то и дело сочились по щекам. «Конфеты!» – вдруг вспомнил он и, забыв про обиду, побежал к матери на кухню.

– Мам! Мам! А конфеты где? – искал глазами по шкафам кулёк со сладостями Сашка.

– Какие конфеты? – спросила тихим надменным тоном мать.

– Мои! Которые мне папка принёс!.

– Твои? Да ты нас всех на смерть чуть не послал со своим папкой!

Сашка растерянно смотрел на мать и не знал, что от неё ожидать.

– У Лены конфеты. Она поделится со всеми.

«У Лены конфеты, – передразнил Сашка мать. – У Лены… У Лены! Как так у Лены, если принесли мне! Спрашивать у неё свои конфеты? Ну, не смешно ли?.. Да пусть обожрётся ими! Тфу!»

***

Свет в окнах детского сада горел жёлтыми огнями. Лампы-тюльпаны молочного цвета виднелись с улицы, как стеклянные солнышки.

– Витька, смотри! – показывал пальцем Сашка на люстры, стоя на заснеженной улице напротив окон своей группы. – Вот так если глаза прищуришь, много-много лучиков будет. Вот попробуй!

Витька прикрыл глазки, от которых в стороны побежали тоненькие молодые морщинки и в радужной оболочке запрыгали, заюлили световые огоньки.

– Фу, тяжело так долго стоять, – выдал старшой.

– Так. Вы что здесь стоите? Матери опять некогда вас в сад свести? – заметила зачарованных наблюдателей за лучиками ламп соседка, которая работала нянечкой в этом прекрасном заведении. – Пойдёмте со мной. А то тут до вечера проторчите…

***

В светлой группе было всё, как и раньше, за исключением лишь воспитательского стола. Что-то там было не так. И это что-то так и манило к себе Сашку. Среди ручек, карандашей и тетрадей он заметил там то, без чего больше не мог прожить и секунды. Продолговатая конфета «Фламинго» так и манила его к себе. Ему-то папка приносил всегда простые, без обёртки. А тут…

Как павлин, крепкий мальчишка с белокурыми волосами, вышагивал вокруг стола и, дождавшись момента, когда Марина Петровна выйдет из группы, стянул батончик и, спрятав его в кармане, пошагал к ребятам, делая вид, будто ничего не произошло.

Он присел на корточки и попытался сбить красную кеглю, как ощутил сухость во рту. Он залился багрянцем и выбежал в раздевалку. «Ты куда?» – окликнул его маленький друг. «Да щас я», – бросил ему Сашка.

***

За узенькой дверкой голубого шкафчика шелестела обёртка, а Сашкин рот доедал конфету Марины Петровны. Санька облизнулся, похлопал руку об руку и, по-быстрому закинув фантик на шкаф, ринулся в свою группу.

Он смотрел по сторонам и всё время думал, а не заметил ли кто его поступка… Было страшно, но надежда, что всё обойдётся, ещё теплилась в его сознании.

«Дети, кто взял мою конфету?» – повышая тон, спросила воспитательница.

Сашка встал, как вкопанный, выпучил глубоко посаженные глаза и молчал. Ему казалось, что вот-вот Марина Петровна подойдёт к нему и оттянет за ухо или и вовсе опозорит перед всеми ребятами. Что хуже из этих двух зол, Сашка ещё не знал, да и выбирать особо не приходилось.

Через несколько минут двадцать мальчишек и девчонок, которые должны были готовиться ко сну, стояли в линеечку в трусиках и маечках, а мимо них, как командир, ходила Марина Петровна, заглядывая поочерёдно каждому в глаза, и, задавая один и тот же вопрос: «Кто взял конфету?» Сашка, весь багряный от страха и стыда, казалось, загорится ярким пламенем прямо здесь, но он держался, хотя уши уже дымились. Марина Петровна посмотрела на него прямо и пристально и ровным голосом спросила: «Саша, это ведь ты взял?»

– Нет, не я! – отпирался Санька.

– Зря ты так говоришь. Мы шкафчик обыскали…

– Это мне мама дала, когда я в сад пошёл, – придумал он на ходу.

– Да-а? Ну, вот она придёт сегодня за тобой, мы у неё и спросим…

– А зачем вы будете спрашивать? – смотрел на Марину Петровну Сашка глазами-капельками, заострёнными к носу.

– Мы же должны знать правду… Или ты сам во всём признаешься?

Сашка поджал губу и отошёл в сторону. Как же тут признаешься, когда на тебя смотрит вся группа…

– Хорошо, молчи.

Сашка молчал. И молчание это было мучительным. Он заглядывал в окно и смотрел, не идёт ли по знакомой тропинке его мама. Нет ничего хуже, чем ждать своего наказания. Это Сашка понял в шесть лет. Да, это чувство зародилось в нём в тот самый момент, как и другое…

***

– Надежда Николаевна! – обратилась к матери воспитательница, как только она вошла в группу. – Здравствуйте! Вы Саше конфету давали с собой в сад?

– Конфету? – оторопела Александрова. – Какую конфету?.

Сашке хотелось сползти по стене, превратиться в маленькую крошку и забиться под половицу, чтоб никто и никогда его не нашёл, не заругал и не опозорил.

– Да, конфету. Дело в том, что у меня со стола пропала…

Мать не стала дослушивать её речь. Поняв, в чём дело, она схватила при всех Сашку за шиворот: «Такой маленький, а уже вор!»

«Я просто хотел сладкого! – вырвался сын и убежал к своему шкафчику за одеждой. – Мне так её хотелось! Ты даже не представляешь, как! Вот я и съел!»

Мать, озираясь на Марину Петровну и, пытаясь делать вид, будто она проводит с Санькой воспитательную беседу, тихим голосом ему говорила: «Если бы ты мне сказал… Если бы попросил… Да что одну… Я бы тебе три купила!» «А я просил! И никто не покупал! Вам всегда было некогда! Всегда не до меня! Вот и взял, что подвернулось!» – кричал Сашка в слезах, закутываясь в клетчатый красно-коричневый колючий шарф.

Он схватил листок бумаги, на котором целый день что-то рисовал, и выбежал на улицу.

***

Стоять в углу Саньке приходилось нередко. Этой экзекуции он подвергался постоянно и за любую провинность. А тут – такой серьёзный повод.

– Я куплю две большие конфеты, и ты отнесёшь их Марине Петровне! Понял? – орала мамка.

– Понял… – ковырял пальцем Санька обои.

– Поковыряй ещё мне!

***

Сад находился недалеко от места жительства Александровых, буквально через дом. Поэтому Сашка с Витькой частенько ходили туда без маминого сопровождения.

– На – конфеты, – вручила она Саньке те заветные «Фламинго». – Извинишься и отдашь! Запомнил?

– Запомнил!

– Или мне пойти с тобой?

– Не-е, мам, зачем? Я сам… – уговаривал Сашка мать, в то время, как в его голове уже зрел план.

Бунтарская душа никак не могла успокоиться. Сладости ему приходилось видеть нечасто, а тут такая удача – сразу две большущие конфеты! Аж с ладошку! Сашка покрутил их

в рукавицах и убрал в карманы. «Витька, ну чего ты там телишься? Догоняй!» – кинул он брату. Витька тащился сзади и, как обычно, немного поднывал: «Вот из-за тебя нам вчера всем попало. Опять мамку разозлил… Ты конфеты-то отдай… Сразу… Не забудь».

Все планы, которыми Санька только что хотел поделиться с братишкой, засели у него где-то в глубине души и остались не раскрытыми, потому как Сашка понял – Витьку брать к себе в команду нельзя – всё дело запорет. «Иди давай в свою группу. До вечера», – скомандовал Саня.

Внутренний голос не переставал вести разговоры. Он постоянно спрашивал Сашку: «Ну вот отдашь ты эти конфеты сейчас Марине Петровне… Ещё раз напомнишь всем о своём проступке. Унизишь себя прилюдно. И что? Зачем? Ведь можешь просто взять и съесть их. И всё. И никакого больше позора. Удовольствие да и только!»

Сашка остановился перед крыльцом, освободил конфеты от обёрток и запихал обе в рот. Приятная слабость пролилась по его телу и на секунду он почувствовал себя одной большой конфетиной «Фламинго». «Тфу!» – выплюнул он длинные шерстинки от шарфа и чуть не закашлялся до тошноты. Санька поднялся на несколько ступенек и задумался: «А вдруг воспиталка спросит, не принёс ли я ей «Фламинго»..? Хотя нет… С чего бы это…»

Просчёт шестилетнего сорванца был верен: в саду ни о чём не спросили, и всё шло своим чередом. А вот вечером… Вечером произошло то, что перевернуло всю Сашкину жизнь напрочь…

***

Надежда Николаевна только вернулась с организационного собрания, где её отчитали по всем правилам и категориям. Многодетная мать, у которой ребёнок вор, позорит общество, а, значит, и все остальные её дети – такие же.

Раскрасневшаяся и нервная, она ждала Сашку на улице.

– Ну что – отдал? – первым делом спросила она.

– Да, отдал, – врал в упор, не моргая, Сашка.

– И извинился? – вела его за руку мать.

– Да, извинился! – прибавляя уверенности в голосе, говорил сын.

Он был настолько убедителен, что выдать его могла лишь краска, вышедшая на ушах, да мурашки, пробегающие по спине взад и вперёд, но ни того, ни другого мать увидеть не могла. Зима. Мороз. Да и не в том состоянии она была, чтобы обращать внимание на мелочи. А вот Сашка… Сашка эти мелочи не только не упустил, но и подметил. Он впервые ощутил чувство превосходства над другим человеком. Чувство восторга и азарта. Чувство, когда радость и счастье разливаются по всему телу, но тут же резко колет под лопаткой, потому как, всегда есть некая недосказанность, опасность. Чувство, которое имеет имя, – безнаказанность.

В шесть лет Санька понял, что уметь врать – не только ни плохо, но это ещё и приносит свои плоды! Теперь он знал, что с помощью лжи можно избежать наказания, добиться выгоды и стать менее уязвлённым.

За ирисками!..

Этого белобрысенького толстячка в саду никто не подпускал к себе. И не потому, что он из Украины, и даже не из-за лишнего веса. Просто все его руки были усыпаны бородавками. Он постоянно прятал пухленькие кисти в карманы, запихивал их в рукава, но и это не помогало.

«Строимся парами! Па-ра-ми!» – отчеканила Марина Петровна. Девчушки и мальчишки быстро сгруппировались, а бородавочник стоял один. Стоял и плакал – к нему в пару вставать не хотел никто. Только крепкий, высокий паренёк с выраженными скулами и такими же белыми волосами подошёл к нему и, ни слова не говоря, взял за руку. Пухляш удивлённо посмотрел на кулак с оббитыми кокотышками и медленно поднял взгляд вверх. Карие глаза улыбались ему и смотрели по-дружески добро.

– Руслан… – радостно произнёс толстячок.

– Саня! – представился Александров.

Взяв друг друга за руки, они проследовали строем в поселковую библиотеку.

***

В клетчатых коротких пальтишках, где красные клетки соперничали с зелёными и чёрными, в шапках-ушанках и «плевках» мальцы из начальных классов бежали после школы на гулянку.

– Эй, Саня, стой! – догнав Александрова, обратились они к нему.

– Чё надо? – поправил тот головной убор.

– Пошли за конфетами? – предложил Серёга Смольников.

– У меня денег нет…

– Да ладно тебе, Толстый нам уже всё рассказал… – поправляя на кудрявой голове, съезжавшую шапку, продолжал Серый.

Санька перевёл взгляд на Руську, прищурил левый глаз и вернулся к разговору со Смолой.

– Чё он тебе рассказал?

– Чего-чего… Что ты и без денег можешь, – переминался с ноги на ногу Смольников.

– Да пошёл ты! – запрокинув подбородок к небу, Сашка пошагал дальше.

– Да погоди! Постой! Пошли уже вместе! Мы с Толстым также научиться хотим… Проведи урок, а?

Александров ещё раз посмотрел на своих вдохновленных учеников, которые были готовы внимать каждому его слову, и изрёк: «Ну, ладно. В райповский?»

***

По раскисшей от тёплой зимней погоды дороге они добежали до магазина.

– Фу! Все ноги сырые! Не мешало бы и переодеться! – заявил Толстый.

– Через пару минут переоденешься – дома уже будешь, – подмигнул Санька.

– Да он пока обернётся – сутки пройдут! – заржал во весь рот Смола.

С таким гулом и гоготаньем они вошли в отдел кулинарии.

Продавщица в белом переднике и накрахмаленном чепце выглянула откуда-то из-за шкафа, и, поняв, что пришли просто школьники, которые наверняка ничего не купят, скрылась за ширмочкой, откуда послышались дружные смешки и девичье: «Ну что? Вскипел уже?»

Санька с умным видом, будто выбирает пирожки, аккуратненько складывал булки за пазуху. Руська, выпучив глаза и поджав нижнюю губу так сильно, что она чуть не лопалась, в напряжении ходил по помещению и смотрел, как продавщица то и дело выглядывала из-за угла.

– Э-эй, школяры! Вам чего-нибудь нужно? Что-нибудь подать?

– Н-нет, спа-асибо, – заикаясь, произнёс Толстый, заметив, что Александров стоит с непоколебимым видом.

– Корзинок нет? – крикнул Санька, заглядывая в глаза женщине, идущей к прилавку.

– Не привезли ещё, после обеда заходите.

– Хорошо… Зайдём… – пообещал ей Сашка.

По инерции дружная тройка выкатилась на улицу и, забежав за магазин, выстроилась в кружок.

– Ну, что там у тебя? Доставай, – не мог дождаться Толстый.

– Что-что? Пончики! – загибал свитер и майку, на которой появились маслянистые пятна, Санька. – На вот, Русик, держи. Хоть с голоду теперь не умрёшь. А то ведь гляди, как исхудал. Скоро второй подбородок пропадёт – от третьего не видать будет.

Сашка со Смолой рассмеялись во весь голос. Толстый же уже жевал пончик: «Смейтесь, смейтесь. В войну первые бы умерли…» «Ой, слушай, ну и шутки у тебя смешные. Ты ещё нам про толстых девочек расскажи, у которых подкожный жир теплее», – добавил Смольников. «А чего? Думаешь, нет что ли? На биологии же говорили!» – брызгаясь крошками, кричал Толстый. «Ой, Господи, ты опять всё перепутал! Любишь математику, так и занимайся ей, чего в другие-то науки лезть?» – серьёзно спрашивал у друга Саня.

***

Дороги, выложенные из плит, были запорошены снегом, хотя уже и подтаивало кое-где. Весна скоро. Даже ветер уже особенный – с запахом древесины и… торфа. Странно, конечно, если бы что-то было по-другому в месте, где занимаются торфопереработками.

– Мамка скоро придёт… – отговаривался от очередного похода по поселковым магазинам Сашка.

– Да что ты как не знаю-то! – выдал свою коронную фразу Смола.

– Чего – вчера пончиков не наелись что ли? – по обыкновению сильно напрягая лоб, когда нервничал, шепотом кричал Сашка.

– Ой, да что там вчера! – Смола расправлял руки в стороны. – Взять булки у этой курицы мог бы и слепой…

– Слепой, значит! – взбесился Александров. – Пошли в любой другой, я покажу, какой я слепой!

***

В продуктовом магазине «Натали», где торговал дядя Армен, всё было по-другому. Там всегда были и печенюшки, и гуливерки, и даже – апельсиновые жвачки.

– О-о-о, сколька вас многа, – сказал мужчина с орлиным носом вошедшим школьникам.

– Трое всего! – подметил Толстый.

– Что брать будете? Зачэм пришьли? – путал русские слова черноволосый продавец.

– А так за ирисками, – быстро ответил Санька и высыпал копейки на блюдечко у кассы.

– И сколка нада? – уточнял знакомый армянин, пожалуй, единственный человек такой национальности, живущий в этом посёлке.

– Нада многа, – передразнил его Александров. – А хватит только грамм на 200 или даже 100. Вот – 15 копеек у меня.

– У нас, – поправил его Толстый, и, посмотрев на Смолу, добавил. – Ну вместе ж скидывались-то…

– У нас, – причмокнув о нёбо, уточнил для дяди Армена Сашка.

Дядя Армен взял из-под прилавка свой металлический совок для зачерпывания разных конфет и печенюшек и пошёл за ирисками. Его серый халат мелькнул за коробками, а Санькина рука вытянулась до невозможных размеров и бесшумно взяла из кассы пятирублёвые купюры.

У Толстого со Смолой глаза вылезли на лоб, а дядя Армен, отряхивая пыль с густых кудрей, которую он успел уже где-то подхватить, выпрямился, наклонился назад и потянулся: «Спина-а… Эх, совсем здесь всего прадула…»

Кулёк с конфетами он положил на одну чашу весов, а на другую поставил гирьку: «Дабавит ишшо?» Толстый в это время смотрел на какую-то коротенькую пластинку и медленно сглатывал слюну. Сашка посмотрел на него и, увидев одобрительный кивок, сказал: «Давайте!» Дядя Армен снова скрылся за коробками, а Руська процедил сквозь зубы: «Апельсиновая жевачка…» «Ай! – армянин резко выпрыгнул из товаров. – Сипина мая!»

– Греться надо, – посоветовал Сашка. – У меня мамка всегда так делает.

Он взял кулёк, поблагодарил доброго продавца и вывел своих товарищей на улицу.

***

На крыше трёхэтажного дома был чердак с ма-аленьким таким окошечком. Обычно там жили голуби, но после того, как это место облюбовал Санька, птицам места становилось всё меньше и меньше. Да и запах дыма они не любили.

– Ты где махорку эту берёшь? – спрашивал Серёга, разворачивая «Правду».

– Где надо, там и беру… – с умным видом делал самокрутку Санька. – Надо места знать.

– И быстро бегать, – вставил Толстый.

– Это вообще про тебя! – залились смехом Александров со Смольниковым.

Несколько пятирублёвых бумажек валялись, заваленные слоем пыли, рядом с Саниными ногами.

– Сколько там? – интересовался Смола.

– Двадцать пять! – гордо произнёс Толстый.

– Руся, а ты откуда знаешь, я же тебе в руки не давал… – забеспокоился Саня.

– Откуда-откуда… Зрение у меня хорошее. Деньги – это ладно. Вот жвачку взять не успели. Вот это обидно, – вздыхал Руслан.

– Кто не успел? Я не успел? – копаясь в кармане, кряхтел Саня. – Обижа-аешь. На вот – держи. (подал он Толстому со вкусом апельсина).

– Блин! Как ты это делаешь! Когда ты успел?! – поражался Руслан. – Смола! Смола-а! Ты это видел?

Смола, затягиваясь подожжённой самокруткой, не мог отойти от пронзительного кашля, и ему было не до жвачки. Его лёгкие, казалось, выпрыгнут и побегут, приплясывая, по всей крыше. Только бы не оставаться в теле Смолы.

– Э-эй, дружище! Всё-всё! Успокойся! Что ж я не предупредил-то! – припрыгивал с трёхлитровой банкой воды около Серёги Сашка. – На, попей! Попей – отойдёт! Надо б, правда, молока, но его нету. На – пей.

Смольников взахлёб пил холодную воду, кашель уходил.

– А откуда здесь вода? – спросил, вытирая рукавом сырые губы, Смола.

– Вон, – показал на прореху в крыше Сашка.

– Что – вон?

– Дождь, говорю, нацедил, – уверенно произнёс Александров и, заметив недоумение на лице ребят, добавил. – Да ладно, из дома принёс. Я предусмотрительный.

Прошло пятнадцать минут, и все трое курили самокрутки. Правда, Толстый это делал не в затяг.

– Эх, толстопузый опять халтурит… – втягивал Смола.

– Ничего это я не халтурю…

– Тихо, – вскочил Санька. – Кто-то во дворе орёт!

Все примкнули к маленькому окошечку и смотрели, как дядя Армен мечется по двору.

– Гдэ Санка? – спрашивал он у малышей, играющих в песочнице.

– Какие санки? У нас свои! Не брали мы ничего! – перебивали они его.

– Светлый такой, глаза впалый, хытрый, зараза, ириска ему нада… Эх! – Армен махнул рукой. – Пятнацат капеек у них толка! Накупили! Шоб у них слиплась всо!

Парняги отпряли от окна. «Уходит, каэца», – прошептал Смола. «Да… – еле слышно сказал Толстый. – Но что теперь буде-ет..?» «Ничего не будет! – уверенно говорил Александров. – Скажем, ириски купили да и ушли. А у кого, чего пропало… Не важно!»

– А куда мы деньги денем? – встрепенулся Смола.

– На дело двинем, – с умным видом качал головой Санька.

– На какое?

– А завтра увидишь…

***

Это холодное утро было весёлым, но опасным. Столько денег нести в карманах было как-то не по себе. «Саня, ты все взял?» – присаживаясь на последнее сиденье автобуса, отправлявшегося в Череповец, спросил Толстый у друга. «Все. А сколько надо было?» – посмотрел он на Смолу, который тоже пробирался к ним через весь автобус. Тот пожал плечами.

– Ну чего? В путь? – подмигивал Саня товарищам.

– Втроём едете? – обратилась к ним женщина в пуховом платке на голове и с сумочкой под деньги, готовая оторвать от своей катушки три билета.

– Да, трое нас, – ответил за всех Александров.

– С вас три рубля 60 копеек.

Санька вынул из кармана пачку пятирублёвых купюр и, отделив одну, протянул кондукторше. Та не могла скрыть изумленного взгляда, а Санька заметил: «Мама на День рождения подарила!»

– А где мама?

– Так там, в Череповце нас с братьями встретит. Мы от бабушки, – на ходу придумывал малец. – Она нас посадила на автобус, мы и поехали. Всё время так добираемся…

– М-м… Ну, держите ваши билеты, привет маме…

Она запрокинула голову, чтобы поправить платок, сбившийся у шеи, подтянула сумочку на поясе и пошла в другую сторону автобуса.

«Фуф, пронесло», – озирались ребята по сторонам.

– А в школе чего завтра скажем? – спрашивал у Александрова Толстый.

– «А в школе чего завтра скажем?» – передразнил его Саня. – Ничего! С такими деньгами мы вообще можем там не появляться!

***

Дорога была не такой уж короткой, но и не очень длинной. В автобусе периодически хлопал люк, который от старости уже не держался на застёжке, и от этого в салоне становилось прохладно.

На сером вокзале было многолюдно – с разных посёлков уже приехал народ. Все спешили на рынок. Все спешили, ну и у ребят не возникло вопроса, куда им двинуть дальше.

– На овощной? На Горького? – переглядывались они. – Давайте!

Дождавшись трамвая, парнишки быстро запрыгнули туда и, заплатив девять копеек, отправились в путешествие по рельсам.

«Витька с ума сойдёт, если узнает, куда мы ездили!» – расплываясь в улыбке, стоял у окна Серёга. «Ты с ума сошёл?! Нашёл, кому рассказывать! Этот сразу мамке сдаст!» – занервничал Саня. «Это почему это? Раньше за ним такого не было», – не понимал Смольников. «Так раньше мы его с собой везде брали, ему было не выгодно», – верно подметил Толстый.

– Я джинсы себе хочу… – мечтательно произнёс Русик.

– Купим, – серьезно отреагировал Александров.

– А я плеер! – в восторге вскрикнул Смола.

– Тоже купим! – в том же тоне продолжал Саня.

– И фотик! – попал в свою очередь Руслан.

– И фотик… – по инерции сказал Саня.

Они ехали несколько минут, но за это время Сашка Александров успел несколько раз почувствовать себя и Царём, и Богом. Таким милостивым и подающим. Он готов был купить своим друзьям всё, что угодно, одарить любыми подарками, только б сделать их счастливыми.

Чем больше он им разрешал и обещал, тем больше рос его авторитет в глазах товарищей. Их вера в его силу и возможности и так была крепка, но Саня жаждал какого-то поступка. Поступка, подобного «Фламинго». Поступка, который позволит ощутить всю сладость жизни и неповторимый кайф своего превосходства над другими. Ему снова хотелось почувствовать неуязвимость.

***

Рынок, усыпанный палатками с товарами, так и звал к себе мальцов. В распахнутых пальтухах они неслись в то место, где должны были осуществиться их мечты. «Смотри! Вон фотики!» – закричал Толстый, и ринулся к торговой точке. Саня по инерции засунул руку в карман, чтобы проверить свои несметные богатства, но какого же было его удивление и разочарование, когда он не нашел ни одной из купюр.

«Стой! Толстый! Стой!» – окрикнул он Русика. «Чего?» – запыхавшись, подбежал тот обратно. «Всё. Плакали наши денежки – тю-тю!» – выворачивая пустые карманы, вздыхал Александров.

«Как? Как так?» – наперебой закричали Смола и Толстый. «Как… как… В трамвае народу сколько было? Много! Вот те и пожалуйста! Потерять я точно не мог!» – оправдывался Шурка. «И чего теперь?» – заглядывали ребята ему в глаза.

Показаться неудачником, ой, как не хотелось. А как же царствование и все другие привилегии, которые могли быть получены за счет чудесных даров? Всё зря? Надо было срочно спасать ситуацию, а это требовало незамедлительного принятия серьёзного решения.

– Пятнадцать копеек есть? – обратился он к Смоле.

– Нет, нету. У Толстого есть! Я видел! – переводил он стрелы на Русика.

– Толстый, чо молчишь, мнёшься стоишь?! Ты вообще фотик хочешь или нет? – пристал к нему Саня.

– Фотик? Хочу… Так ведь на 15 копеек не купишь…

– Ты не купишь, я – куплю. Давай сюда свои деньги.

Толстый повиновался, и они побрели в первый же продуктовый магазин. Сашка шёл, исподлобья осматривая местность. Будто приценивался или примерялся.

– На, – вручил он у входа деньги Смоле. – Купишь ирисок.

– Чо это я-то? Я не умею. Сам покупай! – пробовал он запихать деньги обратно Сашке. – И, в конце концов, пусть Толстый покупает. Чо он-то всегда в стороне?

– Ну и куплю! – вызвался Русик. – Быстрее вашего ещё!

– Так, постойте здесь, я до одного местечка сгонзаю, – сказал Александров.

Его не было несколько минут. Не оборачиваясь, Саня шагал откуда-то из-за угла. «Держи и ты», – вложил он рубль Смольникову.

– Откуда? – выпучил тот глаза.

– От верблюда! Бабушка на пирожок дала.

– Рубль? Целый рубль на пирожок?

– Ага, – поправляя съехавшую на лоб шапку, отрапортовал Александров. – Она у меня добрая.

– Попадёмся мы с твоей бабушкой, – пробурчал Смола.

– Типун тебе на язык, что за Каркало! Пошли! – решил командир.

«Так, ты ириски берёшь, – распределял Александров роли. – А ты чего?(посмотрел он на Серёгу) А, чего захошь, то и бери! Мне не жалко! У меня бабушка добрая!» «А ты чего?» – негодовала команда. «А я… А я своё дело знаю», – хитро улыбался Санёк.

***

– Мне ирисок, на все… – пытался твёрдо говорить Толстый.

– А мне… – кричал наперебой рядом стоящий Смола.

– А тебе… – посмотрел на него продавец, отправившийся за конфетами Русику, тебе в очередь, мальчик. Не все сразу.

Друзья переглянулись и, поджав губы, ждали, что будет делать Александров. Санька же, как ни в чём не бывало, прогуливался по магазину.

Двери распахнулись, и в торговый павильон ручейком полился народ. «Ну всё…» – потерянно вздохнул Смола, смотря на приближающуюся толпу и затерявшегося в ней Саньку.

– Вот твои ириски. Тебе чего? – послышался откуда-то сверху голос продавца, забирающийся под ушанку Серёге Смольникову.

– Мне? Мне… – поняв, что делу конец. – А я ещё не решил… Я ещё подумаю.

– Мальчик, у меня народу до дверей. Или говори, или думай в другом месте.

– Я в другом… – промямлил Смола и пошёл в конец очереди.

«Пойдём!» – дёрнул его за рукав Толстый и вывел на улицу.

С широкой улыбкой, расползающейся от уха до уха, на улице их ждал Александров. «Надо было всё заранее продумывать! – говорил Толстый. – Сходили за ирисками!» «Да уж, – разворачивал «Золотой ключик» Смола. – Съездили в город за плеером…» «Ну, за плеером, предположим, ещё не съездили. Будет у нас время, а чего другого, я купить вам смогу», – держал руку в пальтишке Санька.

– Что там у тебя? Ты же даже к кассе не подходил!.. – приглядывался к полному карману Толстый.

– А ты потрогай! – гордо предложил ему Александров.

Русик подошёл поближе и протянул руку к заветной материи, под которой так и выпирали разные монеты.

Санька прыжками выписал крест на крест: «Слышите этот чудесный перезвон?» Вдруг какая-то неведомая сила заставила посмотреть его на входную дверь магазина, и единственное, что он успел крикнуть своим друзьям: «Бежим!»

Видимо, до мужчины, с которым совсем недавно в продмаге рядом тёрся Санька, всё-таки дошла очередь. «Стой! Вот я тебе!» – кричал плешивый дядька, прыгающий через проталины, видневшиеся над тёплыми магистралями, идущими по тротуару проспекта. «Не оборачивайтесь! Погнали!» – руководил своими товарищами Александров.

***

– Он нас запомнил! – сидел на корточках верхней площадки многоэтажного дома Смола.

– Точно! – покачал головой пытавшийся отдышаться Толстый.

– «Точно! – с ударением на «о» передразнил его Александров. – Точно-точно. Сопли лучше свои вытри. Гляди-ка ветренно как – простыл!

– Саня, прекрати шутить. Что делать будем? – нервничал Смола.

– Что-что? Покупки совершать. Ты вот плеер хотел?

– Ну… – подозрительно, но с надеждой говорил Смольников.

– Ныть не будешь – куплю! Саня слово держит!

– А фотик? – запереживал Русик.

– Фотик-фотик… И фотик куплю!

Складки Толстого так и просачивались через серое пальтишко. Он со Смолой шагал впереди. Смольников, высоченный, как гора, уже почти доставал до дяди Армена. Эта смешная парочка в одинаковых пальтишках смотрелась довольно причудливо.

– Ну ты идешь? – обернулись ребята на Александрова, заметив, что тот тормозит. – Или слиться задумал?

– Я?! Слиться?! Да когда такое бывало?! – орал Санька. – Пошлите!

Он запахнул своё клетчатое красно-чёрное пальто, доставшееся по наследству от Ленки и, как главарь, пошагал впереди их: «За мной!»

***

– Я есть хочу, – проходя у булочной, прошептал Толстый.

Его пухленькие губки бантиком так и молили о перекусе, но Саня посчитал, что сейчас не до этого, что сейчас настало время взрослеть.

– Руся, мы о чём договаривались? – приподнимая густые брови, смотрел впалыми глазами на него Александров. – Ты махорку всю жизнь курить будешь? Пошли за нормальными сигами!

– Умный какой! Так тебе и дали сигареты! Тебе 18 или 45? – держал руки на груди Толстый.

– Десять! Давай сюда свой портфель, тёплый ты мой человек! – забирал Сашка школьный ранец у Русика.

Санька нашёл тетрадь по русскому языку, аккуратненько вырвал из неё двойной листочек, а затем разорвал ещё пополам.

– Ты чего делаешь? Эта же по контрольным! – чуть не плача стоял над ним Толстый.

– Да хоть по итоговым! – посмотрел снизу вверх на него Александров. – Ручку давай!

– Вон, в портфеле смотри.

Сашка сунул руку в один карман, затем в другой. Нащупал пальцами какие-то крошки и нашёл сушку: «Ну, Толстый, ты даёшь! Жрачка везде и повсюду! Жрачка есть, ручки нет! Ты как так учиться пошёл? А ещё умным себя считает! Во даёт!»

– Сам ты Толстый! Что за манера – всё по кличке. Я не Толстый, я упитанный. Мама сказала, что у меня просто широкая кость, а так я красивее вас, – обижался Русик.

– Ой, не могу! – смеялся Александров. – Красавец! Эталон! Смола, глянь! С принцем ходим!

– И хватит меня Толстым звать! Что у меня – имени что ли нет? Руслан! Руслан Кезава! Запомни, Саша! – неожиданно для всех заступился сам за себя Толстый.

– Кезава… – произнёс Смола. – Эх, ты, нерусский!

– Сам ты нерусский! У меня отец украинец! Такой же соотечественник, как и все вы! Понял, Смольников?! А вот у тебя, почему глаза такие узкие, надо ещё подумать!

– Так! Хватит! – обрезал их Санька. – Кто писать будет?

– Что писать? – обернулись оба.

– О-ой, не ма-гу-у! Записку, конечно! – кивал Александров.

– Это ещё какую? – не понимал Толстый.

– Так, ты Толстый, ой, простите, Руслан Кезава, Вы не подходите для этой операции! – делая реверансы рукой перед лицом Русика, раскланивался Санька.

– Это почему ещё я не подхожу?

– А у тебя почерк детский – ровный такой, круглый, большой!

– И что?

– А нам нужен такой взрослый, быстрый. Ну-ка, Смола, попробуй!

– А чо писать-то? – с ручкой наготове стоял Серёга Смольников.

– Ну, беда! Всё приходится делать самому! Тебя что – батько никогда с записками в магазин не посылал?

– Посылал… Года три назад, пока они с мамкой ещё жили. А как уехал на БАМ, ни слуху, ни духу. Кто ж меня посылать-то будет?

– Ой, ладно, не мудри. Пиши!

«Дорогая…» – Сашка замялся. Смола только вывел одно слово и зыркнул на друга: «Ну, ты чего? Чо дальше-то?» «Да тут обычно он имя продавщицы пишет из магазина «Родничок», что напротив клуба, а мы чего воткнём? Тут, пожалуй, накарябай что-нибудь непонятное…» – предложил Александров.

«Это как это?» – переспросил Серёга. «Толстый, расчёска с собой?» – кивнул ему Санька. «Есть!» – в недоумении Русик подавал коричневый плоский гребешок. «Давай сюда!» – приложил к листку короткими иголочками кверху Сашка расчёску и, как по линейке, провёл по остриям ручкой. «Ну вот, теперь и не понятно, что за имя!» – обрадовавшись своей смекалке, поднимал подбородок к небу Александров.

«А дальше?» – ждал Смола, чтобы записать под диктовку обращение к продавцу. «Ну, теперь-то просто: «Передайте, пожалуйста, с сыном четыре пачки сигарет…» «Сколько?» – оторвался от записи Смола. «А чего? Щас разные возьмём?!» – почесал голову Александров.

***

Небольшой ларёк стоял в самом центре двора. Александров, Кезава и Смольников пытались втроём заглянуть в одно окошечко. Они скреблись в стеклянную дверку, пытаясь отодвинуть тонкий слой снежной наморози, чтобы рассмотреть лицо продавца.

– Чего вам? – выглянула толстая тётка.

– Вот, – Александров подал ей записку.

– Что это?

– Папка опять послал!

– Ходят тут через одного! В следующий раз пусть сам приходит! Каких ему?

– «Яву!» – крикнул Толстый.

Такого поворота Санька не ожидал – надо же Толстый первым выперся! «А чо? Всегда хотел попробовать», – промямлил Русик.

– Нам, пожалуйста, «Приму», – взял ситуацию в свои руки Санька.

– А «Яву-то» какую? Твёрдую, мягкую, сто?

– Твёрдую, конечно! – уверенно ответил Александров. – Ещё «Столичные» и «Зодиак»…

– Пожалуйста, – подала продавщица пачки, забрав Санькины монеты.

***

– Когда курить будем? – допытывался Смола, потирая руки.

– Сначала поедим. Я Толс… Русику обещал! – вёл всех к Булочной Александров.

***

У гостиницы стояла палатка, от которой шёл божественный запах. Белый фартук на женской фуфайке и накрахмаленный колпак на волосатом фиолетовом капоре продавщицы сегодня не пугал мальцов, ведь карман Сани был полон монет.

«У меня уже урчит всё» – поглаживал пальто в области живота Толстый. «Щас перестанет, – шептал ему Санька, показывая на огромную металлическую кастрюлю, из которой то и дело вылезала рука то с одним, до с другим пирожком. – Щас твой желудок захлебнётся от неожиданности. Ты хоть его подготовь. Скажи, дорогой желудок, сейчас я тебя наполню доверху. Ты уж меня прости, но ем я всегда без разбору».

– Вам каких? – зыркнула на парней женщина.

Сашка приоткрыл рот, но так и не успел ничего сказать. «С печенкой, с картошкой, с капустой, с рисом и… жареный с мясом!» – захлёбываясь от обилия выделившейся слюны, перечислял Толстый.

– По одному? – уточнила Богиня булок.

– По три! – заметив сладостную пелену перед глазами толстопузова, снова вступил Саня.

Рука быстро накидала пирожков на серую бумагу и подала всё Сане.

«Дай ещё двадцать две», – попросил Толстый у Александрова. «Зачем тебе?» – не понял Сашка. «С печёнкой ещё один куплю. Я видел, там последний остался», – переминаясь с ноги на ногу, упрашивал Русик Саньку. «Ну, Кезава, ты и прожорливый. На, держи!» – подал он деньги другу.

Две складки зашевелились на сером пальто Толстого – этот худышка побежал ещё за одним пирожком.

– Успел! – откусывая от булки, стоял радостный мальчуган перед друзьями.

– Ты чего – и есть на ходу будешь? – с осуждением сказал Санька.

– Да отстань ты от него! Смотри! Мужик с билетом лотерейным идёт! Возьми у него, а… – попросил Смола.

– Зачем это я у него брать буду? Деньги у нас ещё есть, пойдёмте, как все, на почту, и купим… – разводя руки в стороны, предложил Саня.

– Так нам же не продадут! – завопил Толстый.

– Вам, может, и не дадут. А у меня вот мамкин паспорт с собой! – гордо сообщил Александр.

– Ты чего – ошалел? – напугались ребята.

– Да шучу я, моя мамка с паспортом на работу и обратно ходит, из рук не выпускает, план у меня есть…

***

У почтового отделения постоянно ходил народ. Кто-то тащил большую коробку, кто-то выбегал с газетой, а рядом, на ящиках сидели местные грузчики. Они не всегда были опрятные, и не всегда трезвые. Но Сашку это только порадовало.

– Мужики! Рубль хотите? – обратился он к выпивающим.

– А у тебя и есть? – засмеялись они над мальцом.

– А у меня и есть! – дерзил тот.

– Ну так давай…

– Э-э, хитрые какие. Вы купите нам лотерейный билет, а потом и дам.

– Ну, тогда с тебя рубь двадцать пять!

– Да и, пожалуйста! – достал из кармана деньги Сашка.

– Стойте здесь, я мигом.

– Так там же очередь!

– Это для вас очередь, а у меня тут Люська на кассе сидит…

***

Размахивая лотерейным билетом, друзья шли по ветреной улице. «Дурак, что ли?!» – кричали на Сашку мальчишки, когда тот случайно выпустил билет из рук. «Я теперь понесу! – выхватил дорогую бумажку Смола. – Может, квартиру выиграем или машину!» «Ага, держи карман шире!» – засмеялся Сашка.

«Молодые люди, – вышел из милицейской машины сотрудник. – Со мной пройдёмте». «Эти?» – подвёл он их к автомобилю и посмотрел на плешивого дяденьку из продмага.

«Эти!» – кивнула лысина. «Так, садитесь, ребята, разговор есть», – приоткрыл он для них двери.

***

В отделении полиции Толстый стоял с пирожками, а Смола с Сашкой уже беседовали с участковым.

– Не брали мы у него ничего, – отнекивались друзья. – Откуда мы знаем, где он потерял. Ну, видели его в магазине, а может, и не его… мало ли плешивых тут ходит.

– Перестаньте поясничать!

– А что я? – бубнил Смола. – Я молчу. Это Санины слова.

– Мои! – не унимался Александров. – Мои! Я и не отказываюсь. Слова мои, деньги Толстого.

– Кого? Толстого? Какого ещё Толстого? – оживился участковый. – Это что – фамилия?

– Скорее, образ жизни, – смеялся Санька.

– И сколько у него денег было?

– Кто ж знает? У него и спросите.

– И спрошу! Я спрошу… Обязательно спрошу, – шёл к дверям милиционер.

«Зайдите», – высунул он голову в коридор. В кабинете с серым свёртком, на котором выступили жирные, масляные капли, стоял Толстый.

– Как Вас зовут? – задали ему сходу вопрос.

– Руслан.

– А фамилия?

– Кезава.

– Что – пирожки любишь?

– Очень… особенно с рисом и печёнкой.

– Да-а, за печёнкой-то по нескольку раз заворачиваться приходится, – не вытерпел Саня.

– Я сейчас не с тобой разговариваю, – осёк его милиционер.

– Да и пожалуйста! Я вообще молчать тогда буду! Имею право! Мне батько говорил, в тюряжке говорить вообще ничего нельзя.

– В какой ещё тюряжке?! Вы в отделении милиции находитесь!

– Вот именно! Толстый, не рассказывай ему ничего!

Мент перевёл взгляд на Русика, и спросил: «Сколько у Вас было денег?» Толстый посмотрел на поникших ребят, и спокойно сказал: «Семь рублей!»

– Се-емь… Та-ак…

– А потратили сколько?..

– Шесть рублей пятьдесят семь копеек…

– Что? Ровно 6.57? – с издёвкой спросил милиционер.

– А что здесь удивительного? Сашкиному отцу купили четыре пачки сигарет: «Ява» – 60 копеек, «Зодиак» – рубь десять, «Прима» за 16, да «Столичные» за шестьдесят.

– Итого два сорок шесть! – подытожил мент, затем почесал затылок и спросил: А как вам вообще сигареты продали?

– Так это далеко не всё! – перебил его Толстый. – На 13 пирожков ушло два восемьдесят шесть. На билет лотерейный 1.25!

Участковый ходил по кабинету взад и вперёд со словами, «и что мне теперь с вами делать».

– Вы хотите сказать, что сейчас в Вашем кармане ровно сорок три копейки?

– Меньше…

– Как меньше?

– Двадцать три!

– А куда ещё двадцать делись? Ну-ка, скажи, раз ты у нас такой считарь, – глумился участковый над Толстым.

Кезава достал из кармана крем для чистки ботинок, на котором виднелся ценник «20 коп.», и положил ему на стол.

«Так сколько ты сказал, потратил на лотерею, мой милый друг?» – раскладывал двадцать три копейки на столе участковый. «Потратил больше рубля, а билет стоит четвертак», – отчитывался уставший Русик.

Сашка со Смолой смотрели, как Толстый даёт весь расклад, и удивлялись, откуда он смог всё подгадать, подсчитать, запомнить, да и вообще выкрутиться. «А я, представляете, ни разу не играл в лотерею…» – намекал на что-то мент. «Так возьмите наш билет! Он по-любому счастливый!» – кинулся к столу Александров.

В этот момент в приоткрытой двери показалась плешивая голова, и послышался до боли культурный голос: «Простите, но могу я уже забрать свои деньги?» «К сожалению, их здесь нет, – отрапортовал милиционер. – У них всё сходится».

***

На ментовском уазике ребят развезли по домам, наказав родителям за каждым смотреть пристальней и не отпускать одних в большой город. Но смотреть за ними пристальней было некому. Каждый из ребятишек воспитывался в неполной семье, где роль командующего выполняла только мама. Что могла мама? Работать день и ночь, чтобы прокормить своё чадо. Как она могла его защитить? Максимум на что хватало ума, оградить от общества. Как? Запереть!

***

Дверь, закрытая на все замки с другой стороны, так и мучила Саньку. Синяки на заднице и ногах уже проходили, а вкус «Фламинго» уже несколько дней не ощущался в его венах.

Он запустил пальцы в диск телефона и набрал несколько цифр: «Алё, Руся, ну ты как?»

– Нормально, – послышалось чавканье в трубке. «Опять жрёшь?» – подтрунивал над другом Сашка.

– Ага, сегодня в саду пироги пекли. Мамка с работы притащила. Придёшь?

– А с чем там? С яйцами есть?

– Конечно!

– Ща иду!

– Только я закрыт.

– Так и я.

– А как выберешься?

– Есть у меня один план…

– Ох, и боюсь я этих слов…

– Не ссы в муку, не делай пыли, щас мы с Витькой припрёмся. Всё не сжирай.

– С Витькой?

– Ну да, а куда я его дену? Сам подумай…

Саня положил трубку и по скрипучим половицам побрёл за братом.

– Витька, есть хочешь?

– Хочу!

– Пошли к Толстому на пироги?

– Пошли… – по инерции ответил тот и резко широко раскрыл глаза. – А как? Мы ж заперты! Вот вечно так! Ты виноват, а страдаем оба!

– Не ссы, Витёк, жрать тоже будем оба. Пойдём на кухню!

– Опять? Я боюсь…

– Мне ещё раз повторить?

– Я в прошлый раз чуть не упал.

– Витя, «чуть» вообще не считается! Погнали!

Сашкина квартира была на втором этаже, и форточка на кухне находилась над подъездным козырьком. Сашка ловко нырнул из форточки на маленькую крышу, поднял заранее оставленную там с прошлых разов длинную палку, с помощью которой приоткрыл входную дверь так, что её край выходил за подъездную кровлю и хотел уже по ней спрыгнуть, как услышал Витькин жалобный голос:

– А я?

– Что – надумал всё-таки?

– Ыгы… – кивал тот головой.

– Ну иди, помогу, – принимал старшего брата Сашка из окна. – Теперь держи дверь, а я по ней спущусь и приму тебя, понял?

– Эх, давай, – вздохнул родственник.

По тонкой грани двери, как медвежонок по дереву, Сашка спустился вниз, и, зажав дверь между ног, ждал Витьку.

– Мамка идёт! – увидел Надежду Николаевну Витька.

– Слазай скорей! – поторапливал Сашка брата.

– Ты чего! Она же щас налупит нас!

– Короче, у нас два выхода: либо мы сейчас драпаем изо всех сил и жрём пироги, либо получаем от мамки. Ты чего выбираешь?

– Пироги! – со страхом произнёс Витька.

– Тогда бежи-им! – ринулись они в соседний дом. Оббежав многоэтажку с другого бока, кинули монеткой в окно на первом этаже. Толстый сразу показался из-за шторки. «Пошли!» – шепотом Санька подзывал Русика за собой. «Куда?» – кричал через двойное стекло Кезава. «К нам, на чердак! Пироги только захвати! Ну?» – оглядывались они с Витькой по сторонам.

– А как?

– Как-как? Как мы – через окно.

– У меня форточка маленькая.

– Да у тебя форточка больше, чем у нас!

– Не полезу!

– Ну да… Куда тут… С форточкой на заднице ходить не очень-то удобно – согласен.

– Очень смешно!

– Ну, жди! Щас я!

Одним взглядом Сашка приказал Витьке идти за ним. В подъезде у Толстого было темно, но глазок у двери напротив всегда стоял на страже бдительности. «Пальцем придержи иди», – показал он Витьке на наблюдательный пункт бабы Веры. «А ты?» – спросил Витька. «А я здесь поорудую», – достав из кармана синих брюк изогнутую скрепку, сказал Сашка.

– Как ты так быстро? – с полным ртом пирога открыл дверь Русик.

– Слушай, Толстый, я после того раза хотел тебе новое погоняло дать – Математик, но смотрю, старое-то, по ходу дела, сильнее! Натуру не обманешь! – заявил Саня. – Нам-то оставил?

– Вон, в кулёк завернул. На чердаке покушаете. Идём?

– Идём, только ответь сначала: ты когда этот крем всё же купил? – подмигнул ему Санька.

– Да когда ты к мужикам подходил, чтоб лотерею купили.

– А зачем он тебе?

– Так это… У меня ж ботинки чёрные! – показал он пальцем на свою обувь.

***

Под крышей пятиэтажного дома повсюду валялась разорванная газета, пачка с надписью «Махорка крупка курительная №3» и стояла трёхлитровая банка воды.

– Идите сюда, к окошечку. Тут светлее! – подзывал всех Александров.

Он посмотрел на Толстого: «Ну, давай сюда мои яичники!» Русик заржал во всё горло. «Дурак! Я про пироги!» – поняв, что дал маху, оправдывался Александров. «Держите!» – раздал каждому Кезава.

– Получил? – посмотрел Сашка на Витю.

– В смысле?

– Пироги…

– Но-о, – ел булки брат.

– Доешь дома.

– Но там же мамка…

– Витя, у нас дело есть. Щас Смола сюда придёт, разговоры будут посторонние…

– И чего?

– Ничего. Иди маме дома помоги… Про меня спросит – не говори.

Витька, хоть и упирался битых пять минут, домой его Сашка всё-таки отправил. Ведь у него зрел уже новый план, а о нём дома знать ну никак были не должны. С лестничной стороны послышалось какое-то шарканье, и на чердаке появился Смола.

– О, Смола! Здорово! Тебя как выпустили?

– Никак! Удрал!

– Наш парень, наш! Я сейчас, – Санька скрылся в маленьком проёме, откуда потом принёс сигареты, купленные совсем недавно для отца.

– Ну, с каких начнём? – подначивал он друзей.

– Я так не буду! – резко сказал Толстый.

Смола протянул руку к пачкам: «А я дак попробую! Что – зря подставлялись?!»

Александров со Смольниковым долго не могли выбрать, с какой начать, и открыли все разом. Смола вставил четыре сигареты в рот, а Саня успешно чиркнул спичкой по сухому коробку и подпалил каждую по очереди. Серёга с невозмутимым видом стоял, зажав сигареты губами.

– Затягивайся, – требовал Санька.

– Четыре – много! – вставил Толстый.

– Молчи, Математик. Каждый сам за себя в ответе!

Смола, боясь потерять уважение к себе, резко вдохнул дым в себя, выпустил его через нос, и упал.

Толстый вскочил и запрыгал около Смольникова: «Сам за себя? Каждый сам? Ну, чего теперь? Чего?» «Не мельтеши», – отодвинул его Санька и вылил холодную трёхлитровку на лицо Смоле. Такого громкого крика от Смольникова не ожидал никто: «Вы охренели?! Я же пошутил!»

«Пошутил? – отходившие от шока Санька с Толстым, не могли поверить, что это была просто шутка. – Пошутил?! Ну держись, шутник!»

Пыль, лежавшая неподвижно десятилетиями на чердаке этой многоэтажки, кубарем взвивалась в воздухе. Шла драка.

***

Настало время, когда о походах «за ирисками» знал почти весь двор. Самое странное, что никто не порицал в Сашке страсть к «вкусу Фламинго», наоборот, каждый хотел с ним дружить. Но не ради дружбы. Нет. Каждый искал для себя какой-то выгоды. Сашка же, даже, если и чувствовал эту лживость, шёл на контакт, потому как хотел доказать всем, что он в своём деле спец, что он – профессионал. К десяти годам он научился брать в магазине всё, что хотел, и уходить безнаказанно. Порой он сам не понимал, как у него это получалось, казалось, что это было врождённым мастерством. Как некоторые рождаются поэтами, парикмахерами, строителями, так же Сашка чувствовал проявление своего таланта, но совсем в другом…

*** е

– Саша, за молоком сходи, – подавала мама Саньке бидончик с пакетом.

– А почему я? Больше некому что ли?

– Твоя очередь. Иди…

Летний зной разжигал Сашку, и он бежал по своему посёлку в магазин. Большущая очередь его натолкнула только на одну единственную мысль: «Хм… удачненькое место». Первое, что он увидел, – расфасованные конфеты. Не смотря ни на кого, мальчишка засунул бидон в пакет, и, видя, что каждый занят своим делом, сунул руку на привалок и насобирал несколько горстей в пакет, которые так славно соскользнули под бидончик. Радостный тем, что снова оказался на коне, он стоял в очереди и ждал, когда сможет купить молока. Удивительно, но в этот раз время пробежало быстро, и он протянул свой бидончик вместе с пакетом продавщице. Та нацедила три литра, и Сашка спокойненько вышел на улицу. Вдруг его плечо прожалось, и откуда-то сзади послышался хриплый мужской голос: «Чего взял?»

Сашка обернулся и увидел незнакомого человека.

– Да вот, дяденька, пару конфет всего и взял… – поняв, что отнекиваться нет смысла, признавался Сашка. – У меня семья бедная, я хотел сестрёнку угостить.

Нахмуренные брови обвинителя расправились, и он сжалился над ним: «Смотри – больше так не делай. Договорились?»

– Договорились, – с облегчением выдул из лёгких Сашка и пустился домой.

Конечно, он знал, что для него это «договорились» значило только путь отхода из этой ситуации. Ничего больше. Ведь прекращать свои деяния, которые по вкусу напоминали «Фламинго», он не собирался. Да и зачем? Многодетная семья, в которой он не жил, а пребывал, кроме наказаний, ничего не могла ему дать. Подолгу Сашка лежал ночами и смотрел в потолок, по которому ползала живность. И думал он, не о том, упадёт ли кто-нибудь из этого стада на него или нет… Нет… В свои небольшие годы Сашка задавался совсем другим вопросом: «Почему всё именно так? Почему он никому не нужен и никому до него нет дела?» Братья и сёстры росли как-то сами по себе, семья не была дружной. Мать, то ли оттого, что уставала на работах, то ли от глупости и узкости взглядов, вообще не интересовалась Сашкиной судьбой. А ему так хотелось, чтоб кто-нибудь… Ну, хоть кто-нибудь спросил, а как у тебя дела? О чём ты думаешь? И вообще: ты кушал сегодня?

Жизнь зачастую отвечает на наши вопросы, правда, делает это намного позже, чем мы нуждаемся в этом. Иногда очень неожиданно. Хотя почему иногда. Всегда! Всегда это неожиданно. Почему? Потому что иногда мы устаём ждать и, забываясь, делаем перерыв… Перерыв, в который мы перестаём задавать вопросы. И в этот момент Вселенная посылает нам ответ. В виде случая, поступка, человека. Она даёт нам то, о чём когда-то мы так страстно мечтали и взывали.

***

– Слышь, Толстый, помнишь, я тебе фотик обещал? – интересовался Саня у друга, прогуливаясь по центру посёлка.

Солнце светило своими лучами, парнишки щурили глаза и радовались погожему денёчку.

– Да мне мамка уж давно купила, он уж сломался несколько раз… – пнул камень на дороге Толстый.

– А пошли, я тебе запчасти куплю! – подмигнул Санька.

– Слушай, запчасти ещё не привезли, но там в одном подарочном наборе брелок классный…

– Прямо в наборе?

– Да…

– Внутри? – воодушевлялся сложностью нового задания Сашка.

– Ну-у…

– Вот ерунда! Пошли! Только мы должны сработать в паре!

– А как?

– Ты будешь отвлекать! Ну, не знаю… Попроси что ли шариков надувных, повыбирай их подольше… Ну?

В магазине готовились к празднику – Дню посёлка – повсюду стояли подарочные наборы, по-разному упакованные и собранные тоже по-разному. Толстый кивнул в сторону, где лежало то, что было нужно именно ему, и отправился к кассе.

– Здрасьте, Наталья Фёдоровна, мне бы шариков надо, штук десять. Клуб пойду украшать помогать, – обратился Русик к продавщице.

Сашка оглядывал наборы: посуда, косметика… Вот… Вот он! Тот самый! С брелком! Ничего себе, Толстый захотел – это ж книжечка! Настоящая металлическая книжечка! Лезвие «Нева», специально сломанное на два половины, волшебным образом выпало в ладонь из рукава голубой рубахи.

– А концерт-то во сколько? – слышался разговор Толстого с 40-летней дамой.

– Так, Санька, ты чего там делаешь? Поставь сервиз на место! Все тарелки мне перебьёшь! – заметив, что Александров долго крутит в руках набор, крикнула продавщица.

Санька спокойнёхонько поставил всё на место. Наталья Фёдоровна смерила взглядом подарок, выставленный на продажу, и, убедившись, что с ним ничего не случилось, снова посмотрела на Толстого.

– Да ещё и не знаю, – подавая 50 копеек за шарики, говорил Русик. – Наверно, на плакате напишут…

– Ну, счастливо, Русланчик, – сказала на прощанье знакомая его матери.

«Вот, – подал на зеленеющей лужайке прямо у магазина Сашка тот самый брелок. – Со слюдой пришлось помучиться, конечно. Шелестела – зараза – но ничего. Держи. Я посмотрел – она даже раскладывается! Обалдеть!»

Толстый чуть не запрыгал от радости и хотел уже расцеловать Саньку, но придумал более интересный способ отблагодарить друга.

– А пошли на карьер! У меня удочки там припрятаны!

– Серьёзно?! Конечно, пошли!

***

Глубокое озеро, вырытое ещё в годы войны, давно обросло зарослями и легендами. Тут запрещалось нырять. Потому как можно было стукнуться головой о церковь, которую, по мнению старожилов, тут когда-то затопили немцы. Правда это или нет, никто не знал, но и проверять не решался – страшно.

– Ну, где моя удочка? – торжественно спросил Александров.

– Ща принесу, – скрылся в синих трениках за кустами ивы Русик.

«У меня не клюёт», – ныл Толстый. «А у меня пятая уже, – зажимая во рту сигарету, снимал с крючка сорожинку Санька. – Рыбалка ведь это не только азарт, здесь терпение нужно, и техника, впрочем, как и в любом другом деле. Учись, пока я жив. Глянь! Поиграй с ней, затаись, и рви! Я всегда так делаю. Пусть она думает, что ты за ней уже не следишь… »

Сашкина страсть к рыбалке была сродни вкусу «Фламинго», тут был такой же азарт, чувство превосходства и неуязвимости. Здесь также требовалось много терпения и холодная голова, которая так часто его выручала из разных историй.

– Слушай, я заканчиваю. Мне надо ещё к мамке на работу успеть, – сматывал удочку Сашка.

– А чего там?

– Да я ненадолго… Я по делу…

Какие у Сашки могут быть дела, Толстый, естественно, догадывался, но спрашивать об очевидных вещах не стал. Зачем? Если надо, расскажет сам…

***

Кражи в магазинах для Саньки были привычным делом. «Походы за ирисками» уже не радовали его. Хотелось чего-то интересного, продуманного. После того, как он «обнёс» весь учительский коллектив в школьной раздевалке, Александров решил, что деньги можно брать по карманам. Причём помногу. И к маме на работу он ехал, не для того, чтобы проведать её. У него снова был… план!

Торфяной участок, где и работала Надежда Николаевна, располагался не очень близко. До него приходилось ездить на поезде. Она работала диспетчером, да полы там мыла, а вот остальные, остальные работали на торфопереработках, и, сегодня, 10 августа, они получали очередную зарплату. Батько, кстати, тоже работал, как и почти весь поселок, на этом участке и, когда Сашка приходил туда, его смело пропускали, ведь он шёл к родителям.

Пройдя все отметки, он заглянул в раздевалку и аккуратно прошнырял по карманам, вытащив из них всё, что только возможно. Затем зашёл в пустую бухгалтерию, где за стеной смеялись молодые женщины и вели разговоры о мужиках. Сумки они свои зря без присмотра оставили… Ой, зря. Сын Александрова прошёлся по всем и… убежал в поле.

На поляне он сел, чтобы пересчитать всё. Шестьсот рублей! Шестьсот! Господи! Его сердце чуть не выпрыгивало из груди. «Куда я теперь с этими деньгами!? Куда?» – осматривал Сашка территорию у узкоколейки. Мальчишка поднялся с земли и пошёл в сторону дома.

Старые, отработанные шпалы лежали крест-накрест, ждали своей отправки в утиль. «Точно! Под них положу! Домой поеду на последнем тепловозе и заберу!» – рассуждал парнишка.

Тучи наплывали на солнце, и начинал покрапывать дождик. До последнего рейса в посёлок было далеко, и Сашке пришлось вернуться на участок.

Разъезженная тракторами дорога так и засасывала Сашкины ноги в грязь. «Ты куда?» – кричала мамина подруга тётя Зоя. «Я? В столовую!» – быстро придумал Сашка. «Пошли вместе! Я тоже туда», – позвала она его с собой.

***

За длинными белыми столами сидели несколько человек. «Ешь борщ, ешь. Суп нужно для желудка», – восседая напротив Сашки, говорила она. «А я, Сашка, вся расстроилась! Вообще! – заплакала мамина подруга. – Сегодня зарплату получила, в плаще в раздевалке оставила… С участка прихожу – нет ничего! А ведь месяц жить! Наверно, кто-то из своих взял!» Сашка поперхнулся и закашлялся. «Ну что ты – что ты! – хлопала тётя Зоя Саньку по спине. – Сказали, сегодня на выходе всех проверять будут! Надеюсь, найдут!» «Да конечно, найдут! – успокаивал её ровным голосом Санька. – Вот увидите, найдут!»

Его уши залились фиолетовым цветом, и по спине наперегонки с мурашками пробежал холодок. Сашка зачерпывал целые ложки насыщенного яркого супа, чтоб не выдать себя ни словом, ни делом. «Ну, доедай, мне идти надо», – приподнялась с голубого стулика тётя Зоя. «Так Вы же ничего не поели…» – поднял на неё голову Сашка. Она махнула рукой и пошла к выходу.

«Нашлись! Нашлись!» – вбежал запыхавшийся мужик в столовую. Санька оторопел и замер. Тётя Зоя встала, как вкопанная. «Чего – «нашлись»! – в надежде она спрашивала у работяги. «Да, представь, сапоги вторые… На сменку! Думал, потерял, а они вот, на шкафчике лежали!» – радостно тараторил тот. «Тфу-ты, нашёл, о чём рассказать, только людей отвлекаешь!» – ещё больше расстроилась тётя Зоя. «А я, между прочим, ни тебе и говорить пришёл! – проходил он к буфетчице. – Я вон к Любке… пришёл!»

Багряная краска потихоньку спадала с Сашкиных ушей. Волнение уходило. Непонятно было только одно: что делать с заныканными деньгами? Если забрать их сейчас, то всей семьёй нужно будет уезжать на необитаемый остров. Половину родственников выпишут из пионеров, комсомолов и выкинут из парии. Запозорят мать и сведут её со свету. «Во дела… Завтра заберу. Пофиг», – причмокнул языком о нёбо, случайно затронув верхние передние зубы Сашка.

***

– Санька, эй! Давай-давай! Давай! – тянули руку догоняющему набирающий ход тепловоз мальчишке. – Где ходишь?! Мать вся испереживалась! Всей бригадой тебя искали! Все видели, а куда делся, не знали.

– Да тут я был, по лесам-полям гулял, местность изучал…

– Гляди, какой учёный!..

Но Сашке было не до подколов. У него была проблема посерьёзнее. Гулял-то он, гулял. А деньги так и не нашёл… Ни под шпалами, ни под сырой большой корягой, ни в радиусе ста метров. Шестьсот рублей! Целое состояние! Столько нервов, ухитрений, переживаний тёти Зои… Всё зря. Уж ей-то бы Сашка точно деньги вернул. Не знал же он, что стянул у материной подруги… И так-то позор, а тут и ещё больший. «Куда же я их положил?! Вот дурак! Надо было хоть метку какую-нибудь придумать! Нет, что ты! Умный! Запомню!» – ругал себя Санька.

– Ты чего там губами шевелишь? Молишься что ли? – спросил механик Сашку.

– Я? Да Вы что? Я и молитв-то не знаю! Стих повторяю! – сообразил Сашка.

– Да?.. И какой же?

– Да наш, русский…

– Расскажи! Давно стихов не слушал!

– Да патриотический, я сам написал, Вам будет не интересно…

– Да давай…

– Ну вот, послушайте: «Я счастлив, родина! Спасибо, родина! Всех ягод лучше – красная смородина!» – вспомнил Сашка.

– От, паразит!

– Чего?

– Чего-чего! Сам он написал! Думал, я Рубцова не читал? – ухмылялся мужик в засаленной спецовке поочерёдно поглядывая то на Саньку, то на дремучий лес, по которому, как на корабле, они ехали, пробираясь сквозь дубравы. Ветки хлестали по стёклам и, хотя скорость была небольшой, ехать по узкоколейке было опасно – все рельсы исковерканы.

«Дом – Земля, планета – Царство, а живу я в Советском государстве!» – желая реабилитироваться в глазах только что разоблачившего его человека, мигом придумал Сашка.

– Это кто – Ломоносов? – серьёзно спросил дядька.

– Александров! – громко оборвал его Санька.

***

«Так, товарищи, вставайте, подходите, будем осмотр делать», – говорили два милиционера на выходе из тепловоза. Длинная очередь и без того уставших работяг выстроилась вдоль поезда. Женщина-мент ощупывала женщин, а мент-мужчина – мужиков. «Чисто», – сказали они.

Санька вылез последним и прошагал мимо всех к доблестным сотрудникам правоохранительных органов. «Здрасьте!» – вытянулся он перед ними по стойке смирно, поясничая и прихлопывая ногой о ногу, как петух шпорами. «И тут», – похлопав Сашку по всем местам, выдал дядька в форме.

Мать посмотрела на сына и, выдохнув всем телом, побрела в сторону дома. Санька догнал её и хотел взять под руку, но она оттолкнула его.

– Ма, ты чего?

– Ничего. Думаешь, не знаю ничего?

– А чего знать-то?

– Мне сказали, что ты там шарился.

– Так я тебя искал… – выкручивался Санька.

– Меня? А меня чего искать? Я вон – в диспетчерской сижу.

– Так мне сказали, что ты теперь на другом посту бу…

– Прекрати, а… Люди уже выговаривают мне в лицо за твои поступки.

– За какие поступки, ма?

– Сам знаешь! Армену пришлось за твои ириски заплатить! А в скольких ты ещё магазинах их купил?! Мне вас всех кормить надо, а ты?! Всё. Слышать тебя не хочу! Дома поговорим!

Санька тащился по грунтовой дороге, а затем и вовсе отстал: «Ну, всё, мама! Ну всё…» Он встал на обочину, посмотрел на густую траву поляны и бросился туда. Мать в это время обернулась и только и успела крикнуть: «Куда пошёл?! Быстро домой! Немедленно!»

***

«Та-ак… Кочки помню, шпалы помню… Тут я шёл тропинкой… Там трактор работал… Яма… А была эта яма?.. Хм… А шпал сколько было?.. Я перепутал! Я участки перепутал! – радостно улыбался в ночной комнате Сашка. – Слава Богу, вспомнил! Вот я чучело – мимо прошёл! Завтра заберу! Утром приеду и заберу!»

***

В шесть утра столько росы, что резиновые сапоги блестят, как новенькие. Маленькие капли ручейком сползают с зелёной обуви и утекают в землю. А там… А там… А там оказывается, змеи! «На тебе! – резко ткнул лопатой в одну Сашка. – Сколько вас тут ещё?!» Чёрные тоненькие змейки прогуливались по всему полю, но жажда денег была сильней. И даже то, что их могли охранять жительницы серпентариев, его не пугало. Санька поднимал всё новые и новые шпалы. Но делал он это не один. Позади него шёл наряд милиции, который хотел найти пропажу не меньше, чем он.

«Да где же они! Здесь же были!» – прыгал у кучи шпал Сашка. Пять километров бесстрашный школьник заглядывал под сложенные в стопки старые шпалы, иногда пытаясь их растащить. Но всё было безуспешно. Сашка сел на задницу, запрокинул голову кверху и посмотрел на высоко сияющее солнце. «Припекает-то как!» – не успел подумать он, как его глаз заплыл белой пеленой. «Тфу! – грязной рукой убирал он вороний помёт со своего впалого карего глаза. – Вот уж не везёт, так не везёт…»

Пошарившись ещё битых два часа по округе, Санька плюнул, и, завидев, проезжающий мимо тепловоз, запрыгнул на него и отправился к Толстому.

***

– Косяк, Руська, косяк, – плакался Санька другу, сидя на берегу реки, которая раскинула свои просторы за три километра от посёлка.

– Что случилось? – со всей серьёзностью спрашивал Толстый.

– Да хотел нас к школе приодеть. Одежонку тебе, мне, Смоле справить… А не вышло.

– Что – поймали? – прикрывая рот пухленькой ладошкой, охал Русик.

– Да хрен там! Ага! Поймают они меня! Сам – дурак! Забыл, куда спрятал! Прикинь!

– Очень тебя понимаю! Вот мамка тогда из сада принесла рогульки. Я три съел, а одну…

– Да что ты сравниваешь! Шестьсот рублей и рогульки!

– Сколько? – Толстый оторопел.

– Столько! Я этих рогулек бы тебе вагон мог накупить! – раздухарился Санька и тут же осёкся. – Слушай, а если кто-нибудь видел, как я их тут кладу? Чо тогда?

– Тогда! Тогда конец делу! – крикнул Толстый.

– Да не ори ты! Всё – спокойствие и только спокойствие! Смотри! – Санька показал на баржу. – Мужики щас по-любому обедают.

– И чего?

– У меня план есть!

– Как я этих слов твоих боюсь…

– Не ссы в компот – там повар ноги моет! Пошли!

– Куда?

– Ну, ты рыбалку вообще любишь или нет?

– Люблю!

– Значит, пошли на рыбалку.

– Так ведь у нас удочки в другой стороне.

– Я и говорю, пошли за удочками!

– Так ведь это три километра отсюда!

– Вот ты тупой! Туда глянь, – показывал Сашка в сторону судна. – Пока они лес сплавляют, мы на баржу залезем, удочки возьмём, да и половим!

– Ой, Сашка… – мялся Русик.

Странно, но как-то так у них быстро проскользнуть туда получилось, что даже Александров удивился. «Вот можешь же, когда хочешь!» – обращался он к Толстому. Кезава, гордый своим исполнением, решил пойти вперёд и собственноручно, впервые, взял удочки. «Идём?» –

шепотом просил он Саньку и услышал бегущие к ним шаги. «Дверь закрывай!» – скомандовал Сашка, запирая огромный кусок железа на мощный замок.

– Эй, малолетки! Быстро дверь открыли! Щас получите! – кричали работяги.

Такое предложение друзей совсем не порадовало, а так как другого выхода из этого помещения не было, Толстый по своему обыкновению заныл, а Санька начал придумывать, как выбраться.

– Не ной, дверь толстая, не откроют, – успокаивал Александров Русика.

Сашка выглянул в иллюминатор и увидел, что сюда был подогнан деревянный понтон: «Давай сюда! Сбоку вылезем, они и не догадаются, и не увидят!»

– Ну давай, – воспрянул Толстый.

Сашка, как главарь, пошел первым. Он мигом просвистел через круглое окошечко, после чего очередь дошла до Русика. Верхняя половина Толстого вихлялась снаружи, а нижняя по-прежнему оставалась внутри баржи.

– Толстый, они ведь там дверь ломают… – стоял на понтоне Сашка и подтрунивал над Кезавой. – Прикинь, ща откроют, а у тебя жопа там торчит… Чо буде-ет…

Столько ужаса в глазах друга Санька не видел с момента инсценировки смерти Смолой после четырёх сигарет взатяг. «Э-эх!» – с криком, оцарапав все бока, выскочил Толстый из иллюминатора.

– Вот, молодец! – хвалил его Сашка, несясь по деревянному понтону. – А удочки-то чо не взял?

– Издеваешься? – с отдышкой отвечал Русик.

– Да всё-всё! – стоя в прилеске, успокаивал залившегося плачем Толстого. – Подумаешь… Успокойся! Зато, знаешь чего? Знаешь?..

– Чего? – обиженно спрашивал Толстый, оглядывая ссадины на складках.

– Зато я смысл понял…

– Какой?

– Песни!

– Какой песни?

– Земля в иллюминаторе! Земля в иллюминаторе видна…

– Дурак ты, Александров! Дурак!

– Да не обижайся, дружище! Ну хочешь… Ну хочешь, пошли в аптеку!

– Это ещё зачем?

– Лечить тебя будем – я тебе аскорбинки куплю! Чо?

– А пошли! – простил друга Толстый.

***

Конфета с аскорбиновой кислотой лежала на полочке под стеклом. Местная аптека не пестрила ассортиментом лекарств, но вот это… Это Толстый любил больше всего. Мог за раз по десять таблеток в рот запихать и схрумкать все, как хомяк.

– Нам коробку, пожалуйста, – культурно попросил у аптекарши Саня.

– Коробку? – переспросила худенькая девушка у кассы.

– Да, целую! – помог Русик. – Мы на весь класс!

Александров протянул фиолетовый четвертак аптекарше и, подхватив упаковку, они с Толстым потащили её с собой.

«На какой класс? – хмурила брови кассирша. – До первого сентября ещё целая неделя…»

***

Сожрав по несколько конфет, у Толстого, Смолы и Саньки, появилась… Нет, не идея… Аллергия у них появилась. Аллергия. Та самая, с прыщиками, с чешущимися подлокотниками и со всеми другими её проявлениями.

– Слышь, Сань, а давай, и правда, в класс коробку притащим? – предложил Смола.

– А давай, мне чо – жалко что ли? – начёсывал шею Сашка.

– Может, когда прыщи сойдут, – сидел весь в зелёнке Русик. – Доедим?

– Ты как обычно, – встрял Серёга. – У тебя на теле розового цвета меньше, чем зелёного, а всё туда же. Пойдёт на первое сентября, как кактус, а его и не заботит это ничуть.

– Да-а… Скоро опять в школу. И лета почти не видали – пролетело, как Гагарин в космос, – сидел у своего коронного места на чердаке – окна – Сашка.

– Скукота… На рыбалку пару раз сходили, да за ирисками, поди-ка, пяток… – подсчитывал Толстый.

Сашка прищуривался и смотрел в окно.

– Чо там? – заинтересовался Смольников.

– Подойдите – покажу, – подзывал обоих рукой Санька.

Там, внизу, стоял незакрытый сарай… Да не просто сарай, а настоящий сеновал, в котором соседи хранили корма для своей коровы.

– Кто-нибудь веселья хочет? – стоял с надменным видом, готовый побежать, Сашка.

– А чего в этом сарае весёлого? – недопонимал Русик.

– Смеёшься? Пошли, покажу! – убеждал его Санька.

– Щас сигу докурю и пойдём, – перебил их Смола.

– Слышь, Смола, ты ещё даже и не прикурился, давай потом покуришь. Пошли, а? – уговаривал друга Александров.

***

Запах свежего сена такой дурманный, такой вкусный и необыкновенный, что хочется закопаться в этот разбросанный по сараю стог и не вылезать из него, покуда не надоест.

Сашка лежал внизу и вдыхал аромат. С потолка, усеянного маленькими дырочками, так и сквозили тоненькие лучика света. Санька то широко раскрывал глаза, то сильно-сильно их сжимал. «О! У меня эти точки теперь повсюду!» – кричал он парнишкам, ползающим где-то по соседству. «Пшшш…» – скатился по сухой траве, как бублик по сахарной пудре, Толстый. Он улёгся рядом с Санькой и стал наблюдать вместе с Санькой за яркими точками в прохудившейся крыше. «Чирк!» – послышалось откуда-то сверху. Запах свежезажженной списки пронёсся по сеновалу, а за ним… и дымок. «Серый, чо – не втерпёж?» – не двигаясь с места, орал Саня.

Спичку Серёга по обыкновению кинул куда-то в сторону и, расслабившись на полатях, лёг отдыхать.

Заметались, заискрились, затанцевали искорки по истлевшему сену. «Ты спичку что ли не затушил?» – вскочили в панике Толстый с Сашкой. «Слышь, Смола! – смотрел на верхний этаж, который только начинал разгораться, Сашка. – Прыгай сюда! В сено! Пока есть куда!»

Серый метался по полке, а Толстый стоял уже у дверей, готовый бежать отсюда во все ноги. Правда, как бегал Русик знали все, и поэтому часто давали ему фору. Но только не сегодня, только не в этот раз…

Испуганный, Смола прыгнул вниз и, вскочив, как ошпаренный, ринулся из сарая, не подождав никого.

Сашка двинул за ним. Толстый бежал, как во сне – вроде бы, и надо, да не мог.

Сарай пылал яркими огнями, языки пламени скользили по обшивке, и было уже понятно, что спасти не удастся не только сено, но и место, в котором оно хранилось.

«Стойте! – слышались мужские крики вслед убегающим сорванцам. – Быстро сюда! Или мы вашему приятелю по башке настучим!»

Толстого, как обычно, повязали, и Саньке с Серым ничего не оставалось, как идти назад и принимать удар на себя, чтобы Русик хотя бы остался в живых.

***

Побитые и истрёпанные, они шли с места увеселения.

– Толстый дак… – ворчал Смола. – Всё из-за тебя!

– Из-за меня?! – возмущался Русик. – Из-за меня, да? Ой, простите, что покурил! Это же я не знаю, как тушить сигареты и кидаю подоженные спички в сухое сено! Кто ж ещё, да?!

– Хотя бы я быстро бегаю! Если б не твоя «широкая кость», мы бы щас не на синяки дули, а лежали б где-нибудь у реки и любовались природой.

– Заткнитесь, – отрезал Сашка. – Все виноваты, все и ответили.

Толстый улыбнулся.

– А ты, Кезава, – повернулся Санька к Толстому. – Прекращай свои пироги жрать, а то не в иллюминатор не пролезаешь, да и тут ещё из-за тя перепало!

***

Плохие поступки хоть и остаются безнаказанными, но до поры, до времени. А когда приходит та самая пора и подступает то самое время, становится больно и обидно за все свои проступки. Так бывает со всеми порядочными людьми, но только не с Сашкой, он-то к этой категории себя не относил…

В дверях квартиры Александровых показался Никита Семёныч Байцев, тот самый участковый, который в этой семье бывал, пожалуй, чаще, чем в своей.

– Здрасьте, дядь Никит… – открыл ему двери Витька.

– Здравствуй, Витя. Мама дома?

– Не, на работе ещё. В школе…

– А Сашка?

– А этот дрыхнет вон… в комнате.

– Позови-ка его, разговор есть.

– Щас, – сказал Витька и, не двигаясь с места, закричал не своим голосом: «Са-няяя!»

В коридоре показалось чьё-то тело. Оно приблизилось к кричавшим. «Чо?» – протирал заспанные глаза Санька.

– Ничо! Пришли к тебе! – показывал на участкового братишка.

– Здрасьте! – сухо сказал Сашка.

– И ты здравствуй. Ох, Санька, натворил дел, вас с Надеждой завтра на комиссию по делам несовершеннолетних вызывают.

– Это с чего ещё вдруг?

– А не с чего?

– Каэшна!

– А хотят спросить тебя о твоих походах по нашим магазинам…

– А что в них не так?

– Да многое, Шурик, многое…

***

За большими партами, укрытыми страшной красной материей, восседали женщины с кучками на голове, из которых нещадно выглядывали шпильки. Очкастые и не миролюбивые, они будто расстреливали и Сашку, и Надежду Николаевну. Не понятно было только одно: в кого стрел попало больше. Самое интересное, что тут сидел и папкин друг – Байцев, который, закопавшись в бумагах, боялся поднять голову.

– Надежда Николаева, Вы можете сказать, что-нибудь в оправдание сына? – спрашивала женщина, восседающая в самом центре.

– А что нужно сказать? – растерялась Сашкина мать.

– Ну, например, ответить нам на вопрос, который интересует всех в посёлке, откуда у Саши столько денег?

– А сколько у него денег? – не понимая, переспрашивала Надежда Николаевна.

– А Вы не знаете? – поправляла та очки.

– Нет… Не знаю…

– Хорошо… Пойдём с другой стороны… Какова Ваша заработная плата?

– Сто тридцать, с премией сто шестьдесят…

– Получается, что большую часть зарплаты, Вы отдаёте на сладости младшему сыну? Так?

– Нет, с чего это?!

– Ну как же, он рассчитывается за сладости пятирублёвыми купюрами и делает это каждый день. Чем Вы кормите остальных шестерых?

Сашкина мать покрывалась багрянцем, полные руки тряслись от нервов и стыда, а Сашка стоял рядом с ней в центре зала, и молчал.

– Саша! – пошёл разговор с сыном. – Откуда у тебя столько денег? Мать 160 рублей по большей мере получает, а ты тратишь за неделю больше, чем она заработает! Ты из многодетной семьи, а налево и направо друзьям игрушки покупаешь, товары разные… А нам потом сообщают…

«Интересно, кто это сообщает. Те кому, наверно, не купил… Глядите-ка, жаба мальчишек задушила, ну, погодите у меня, устрою вам!» – думал про себя Сашка.

– Так откуда-откуда… – придумывал он. – Нашёл! На дороге валялись!

– М-м… И сколько же там было, раз с продавцами ты рассчитываешься пятёрками и десятками? – не унималась очкастая.

– Не помню даже, – пытался оправдаться Санька, поглядывая, то на разочарованную в нём до крайней степени мать, то на даму с шишкой из волос на голове. – Наверно, рублей двадцать пять… В лесу… На дороге…

На первый раз Александровы обошлись строгим выговором и были предупреждены, что теперь они на контроле у той самой очкастой, с кучкой. Так, обычная многодетная семья, в которой воспитывалось семь детей, превратилась в неблагополучную. Хотя нет, не так. Тропинку к этому званию несколько лет назад проложил Денис – Сашкин старший брат, который уже несколько лет воспитывался в Череповецком доме-интернате для трудных детей. Хм… Интересно, кто его таким сделал? Незанимающаяся им мать или общество, которое всё время выжимало из себя элементы, не соотносящиеся с другими и выбивающиеся из общей массы?..

Переквалификация

Ходить по магазинам после такого отчёта перед огромной комиссией и больнучего трёпа, доставшегося от мамки, было бы огромной глупостью. Теперь Сашка не соглашался идти даже за хлебом – уж больно унизительно. Ему казалось, что там на него будут все показывать пальцем и ждать, что тот чего-то сворует. Тем не менее мальчик, так остро ощущавший вкус «Фламинго» на своих зубах, отказался лишь от магазинов. Он нашёл себя совсем в другом. Причём абсолютно случайно.

«Кто же на меня донёс?» – ковырялся спичкой в зубах Сашка, раскачиваясь на качелях в своём дворе. Он отталкивался старыми ботинками от земли и потихоньку парил в воздухе. Земля качалась, а голову наконец-то осенила мысль: «Быча… Козлина! Он же раньше всегда рядом тёрся, а мы с собой его не брали… Завидно стало… Ну, погоди же у меня!»

Сашка спрыгнул с качелей и уверенной походкой пошпарил в знакомый подъезд. Проскочив два лестничных пролёта, он стоял на той самой площадке, где жил тот самый стукач. Санька уже хотел нажать на кнопку звонка, как с неожиданной силой его потянуло к двери, находящейся по одну сторону с Бычиной… Интуитивно Сашка пнул по коврику, и там зазвенел ключ, который по инерции оказался в руке паренька.

Саня посмотрел по сторонам, заметил, что глазков нет ни в одной из дверей, и позвонился в квартиру. Никто не открыл. Подумав, что наверняка никого нет дома, Сашка провернул ключ в замке и зашёл в квартиру. Красивую кожаную дверь теперь он закрыл и с другой стороны, оставив ключик в замке, чтоб никто не смог ему помешать. Потом глубоко выдохнул и стал осматриваться.

Длинный коридор вёл прямо на кухню, а здесь, в прихожей, стояло трёхстворчатое трюмо. Санька расчесался чьей-то расчёской, проверил, не чёрные ли у него зубы, и пошёл к белой деревянной двери, которая вела в одну из комнат.

«Где же вы прячете свои денежки», – вытягивал губы Санька. И вдруг вспомнил, у мамки-то они в шкафу всегда, под одеждой были! Не медля ни секунды, Сашка запустил длинные руки в бельевой шкаф, прошёлся по комоду – и вот тебе – узелок с фамильными драгоценностями к вашим услугам!

Сашка оглядел его и хотел развязать, чтобы рассмотреть всю наживу, но он был скреплен маленькими крепкими стежками. «Пофиг, на чердаке гляну!» – решил для себя Санька и полез за ковёр. Ладонь нащупала пришитый к красному цветастому ковру с другой стороны карман, использовавшийся людьми среднего возраста вместо тайника… И… И… О, Боже мой! Целая стопка! Сашка скрутил её в трубочку и, убрав за пазуху, ещё раз залез на верхнюю полку шкафа. Лисья шапка не давала ему покоя, и, несмотря на то, что по двору разгуливала осень, рыжий мех так и манил мальца. «Пригодится!» – размышлял он.

Во второй комнате было пусто. Обидно, конечно, но посмотрим, что в третьей. Сашка открыл дверь, и его чуть не сшибла волна храпа, которую извергал мужик, спящий на спине. «Мужик! – испуганно смотрел в дверях на него Сашка. – И как я сразу его не услышал! Не заметил…»

Санька аккуратненько вернул дверь в нужную позицию, подкрался к выходу и, со всей дури хлопнув дверью, выпрыгнул и из квартиры, и из дома.

Мужик открыл глаза и резко сел на кровати, уставившись в одну точку.

***

На Сашкином чердаке было такое место, куда может пролезть только ребёнок, да ещё – голубь. Вот именно там, в той самой лисьей шапке Санька и хранил свои несметные богатства: золото и деньги. Кстати, там, у храпящего мужика, оказалось 500 рублей по пятёрику. Так недолго и на мотик накопить… А чего – «Иж-Планету-5» можно за тысячу купить. А если с рук, так и того дешевле…

***

Школьная пора такая интересная! Но не для всех. Вот Сашка, например, разрывался между уроками, рыбалкой и охотой… Охотой на квартиры. К середине учебного года он нахватал трояков и неудов, хотя был весьма способным и обучаемым. Он мог не готовясь, ответить на уроке, запомнив весь материал с предыдущего, а потом долго объяснять Толстому, почему у него пятёрка, а он не готовился, и почему у Русика трояк, когда тот не спал почти полночи и учил: «Память у меня хорошая. Понимаешь. Запоминаю быстро, подмечаю всё… А дома учить… Дома мне лень, да и некогда».

И правда, ко второй четверти пятого класса Сашка мог похвастаться не только неуспеваемостью, но и 30 кражами… Как он это делал? Всё просто – у него появился учитель. И нашёл он его сам. Вычислил. Как говорится, рыбак рыбака…

***

Его тоже звали Саня. Не знаю, совпадение это, или судьба, но что-то загадочное и роковое в этом было.

– Наслышан о тебе, – пришёл он к Саньке на крышу. Мальчишка в это время сидел у окна и покуривал «Яву».

– Кто Вы? – увидев непонятную черную фигуру в темноте, спросил Санька, выдыхая дым.

– Меня Сашей зовут. Тоже, – спокойным, ровным голосом говорил мужчина. – Кто я? Считай, единомышленник… Я слежу за тобой.

– В смысле?

– Наблюдаю за твоими делами…

– За какими такими делами? – жался к стене Сашка.

– У тебя более 30 квартирных краж и тебя до сих пор не поймали. Каждый раз ты выходишь сухим из воды. Тебе не кажется, что это о чём-то говорит?

– Н-нет, – зазаикался Санька.

– Вы чего – из милиции?

– Аха-ха-ха? Откуда? – звучно рассмеялся густым голосом мужчина. – Не-ет. Мы с этими ребятами по разные стороны находимся. Хотя, знаешь, от меня они отличаются не многим…

– М-мм… – мялся Сашка. – А чем?

– А позже узнаешь…

– Когда?

– А тут у каждого своё время… – ответил Сашке мужчина.

После непродолжительной паузы, новый знакомый спросил: «А хочешь работать вместе?» «А это как?» – не понимал Санька. «Как?.. Я научу».

***

Они катались на лодке по большой реке и, выплывая на середину, разматывали удочки и ловили рыбу в полной тишине, нарушаемой только для того, чтобы сказать, по их мнению, только самое ценное.

– Запомни, ключи могут быть не только в счётчиках, под ковриком, в почтовых ящиках (это в зависимости, какой перед тобой дом), но и на углах, выступах, и даже… в клумбах! – делился своим опытом Александр с Санькой.

– В клумбах?

– Да, такие затейники тоже бывают! Не забывай о двойном дне в шкатулках, всегда проверяй за коврами. Да, и в «гости» ходи только в то время, пока все на работе. Лучше это делать утром, часов с восьми до двенадцати. Это самое безопасное для нас время.

– Почему?

– Логика, мой друг: если в этой семье есть дети, то они ещё в школе, а взрослые не пришли на обед.

– Как всё просто… – закидывая в очередной раз удочку, произнёс Сашка.

– Да… Поэтому вечером и после полудня в квартиры даже и не думай забираться – спалишься.

«Ого! Смотри! – Санька вытянул большого окуня! – Гляди! Гляди! Я уж думал, крючок за корягу зацепился! А как повело, повело!» «Вот видишь, ты и рыбину поймал быстрей меня, проворливый какой! – возвышал его учитель. – Давай снимай его, да у меня к тебе дело есть».

Санька быстро справился с рыбой и поднял взгляд на Александра: «Что за дело?»

– От твоего дома через дорогу пятиэтажка стоит…

– Ну…

– Там на четвёртом этаже живёт пара молодая. Ну как молодая… Моего возраста. Лет по тридцать обоим. Они машину собираются покупать. Уже и денег накопили…

– И чё?

– Ой, Саш, ну, улавливай-улавливай… Их завтра дома никого не будет.

– А куда ж они денутся?

– На работу уедут. В городе на заводе трудятся, – держа замерзшей рукой удочку, рассказывал Сашкин наводчик. – Завтра на смене будут. Действуй.

***

Сашка долго раздумывать не стал. Не испугало его и то, что окна их квартиры были на самом виду. Молодческая наглость и задор выполнить задание посложнее, всегда брали над парнишкой верх.

По водосточной трубе, через окно на балконе, выходившем на окна другого здания, Санька пробрался в квартиру молодых и сразу упёрся в портрет молодоженов, висящий над их большой кроватью. Налюбовавшись красивой парой, Санька приступил к осмотру территории. Теперь он не бросался судорожно на золотые побрякушки и деньги, а делал, как велел Александр: запоминал, где что лежит и по дороге к выходу забирал всё по очереди. Потому как, если бы кто-то и помешал, он смог бы уйти, ничего не тронув. Наученный Сашка ничего не ворошил, не переставлял с места на место и не устраивал никаких погромов.

Довольный тем, что обнаружил все кладки молодых, Санька уже хотел приступить к сбору добычи, как в замочной скважине провернулся ключ… «Куда мне? – в панике осматривал мальчишка квартиру. – Четвёртый этаж! Высота! Тут не выпрыгнешь!»

Метнулся он под кровать в их комнате и, затаив дыхание, лежал ни жив – ни мёртв. Расстояние между полом и дном кровати было настолько мало, что Сашка даже башку не мог поднять. Головой на пыльной поверхности он вырисовывал кружки, а кровать так и давила на грудную клетку. «Вот тебе и на смене», – смотрел Сашка, как включается свет в коридоре.

В комнату забежала маленькая собачка и, заметив Сашку, начала припадать перед ним на передние лапки и играться. Она так звонко лаяла, что хозяйка квартиры не выдержала и закричала на неё: «Герда, перестань!» «Герда! Ну, надо же! Сказок начитались, – раздумывал под кроватью Александров. – А этот тоже хорош, учитель хренов. Во что меня втянул! Ему бы в такой пыли полежать!»

Радостная псинка, видя, как Сашка отмахивается рукой, подумала, что он с ней играет, и начала прыгать ещё больше. Потом присела, выпучила глаза и сделала своё мокрое дело. Тёплая лужа потекла прямо под Сашку. «Фу», – морщил он нос.

– Танечка, спасибо, тебе моя дорогая! Ты у меня умница! Так вкусно готовишь! – послышался мужской бас на кухне.

– Иди отдохни, дорогой, я сейчас посуду домою и тоже приду, – отвечал ласковый голос.

«Надо же, – думал Сашка, – неужели такое возможно? Неужели кто-то живёт мирно, без ругани…» Его мысли сбил только что включившийся телевизор и звон посуды, доносившийся с кухни.

«О-ой, как же я устал», – грохнулся глава семейства на кровать, под которой лежал Сашка.

Мальчишка буквально вжался в сырой и грязный пол. Он уже не думал о добыче, теперь все мысли были только о том, как выбраться из этого ада. «Чтоб ещё раз по его наводке идти! Да ни в жизнь!» – ругал себя Санька.

«Милый, я готова», – в комнате показались женские тоненькие ноги в розовых тапочках 37-го размера.

«О, нет! Сейчас и она уляжется!» – боялся Сашка.

С разбегу жена набросилась на мужа, и двуспальная кровать заходила ходуном. Сашка еле дождался полуночи. За это время он так с ними сроднился, что чувствовал уже себя членом их семьи. Ему уже не надо было денег… Хотя постойте. Что он – зря что ли терпел все их выходки?

Санька начал прислушиваться, кто из них уснёт первым. Вскоре послышался мужской, тяжёлый храп, чёткий такой. А она? Спит? Или нет? Даже, как дышит не слышно! Сашка напряг уши ещё сильнее, но так и не понял даже, где она лежит: то ли у стенки, то ли с краю. Как же это вычислить? Толстого б сейчас сюда… «Вдруг я вылезать начну, а она меня за руку схватит, мол, ты кто? И что тогда? Поймает меня, да и всё!» – боялся Санька.

Прошло ещё полчаса, а Санька так и не сориентировался, кто где лежит. Тишина, воцарившаяся в комнате, подсказала воришке, что наконец-то все уснули. Вылез Санька из-под кровати, а весёлая болонка, будто этого и ждала только. Запрыгала, зарадовалась опять! «Эх, ты, собачатина! Всю мазу сейчас испортишь мне!» – обходил её Санька. Взял он со стула ремень, да и вышел.

Стоит Сашка в прихожей и видит – рядом с дверью в комнату молодых – кладовка. Открыл он её, связал ручки от обеих дверей ремнём и думает: «Если дёргаться начнут, хоть убежать успею!» Обернулся Санька, а там – трюмо! А на нём – и портмоне, и кошелёк, и шкатулка! Вычистил он всё по очереди, набил целые карманы, открыл дверь входную, да и, убегая, по обыкновению, так сильно хлопнул ею, что она отлетела от проёма, да так и осталась болтаться на площадке.

***

Ночью, когда Санька пришёл домой, мать уже не спрашивала, где он был. Слушать бесконечное враньё сына, который не краснеет и не понятно, правду или нет, говорит, ей надоело. Она уже знала, если младший пришёл поздно, утром ждать Семёныча.

Менты уже выучили Санькин почерк, появившийся в посёлке и возникающий, то в одной, то в другой точке. Знали, что он. Наверняка. А доказать не могли. Поэтому снова и снова вызывали мать вместе с ним на комиссии и теперь уже не жалели их, давали штрафы.

Саньке на такое наказание было плевать, про них он забывал быстро, а вот выходку своего наставника он простить не мог…

***

«Ты меня зачем подставил? – вбежал мальчишка в его холостяцкую квартиру через несколько дней. – Ты же сказал, они на смене будут! Что дома только вечером появятся! Я там таких ужасов натерпелся! За такие переживания мне таких денег не надо! Ты понял?! Чо не предупредил, что там собачка?!» «Болонка-то? – почёсывая ногу в сером носке, спокойным тоном спрашивал Александр взъерошенного пацанёнка, лёжа на диване. «Болонка! – не успокаивался ученик. – Это сучка настоящая! Чуть не спалила меня несколько раз! И так, и сяк предо мной припадала! Да я Бога молил, чтоб мужик под кровать не заглянул! А ты?! Подстава! Больше я с тобой не работаю! Понял?!»

Наставник иронично ухмыльнулся: «Ну, во-первых, я тебя не обманул. Кто ж знал, что они разом, оба возьмут отгулы. Во-вторых, деньги там и драгоценности были. А то, что тебе потерпеть маленько пришлось, ну уж извините… Выходит что?» «Что?» – пристально смотрел на него Санька. «Выходит, что никакой подставы с моей стороны не было. Я могу ответить за каждое моё слово. А вот ты?» – перекинулся тот на мальца.

«А что я?! Ты лежал когда-нибудь в собачьей моче, на пыльном полу, в пальто под кроваткой, куда только промокашка может пролезть, как там места мало?!» – тараторил, жалуясь, Сашка. «О-ой, не драматизируй. Это, во-первых, – останавливал его старший друг. – А, во-вторых, запомни, со мной в таком тоне разговаривать нельзя. Я всё-таки тебя старше… раза в два. Имей уважение…»

«Уважение?» – заходился Санька. «Пррр», – наливал тот чай в гранёные стаканы. «Будешь?» – показал он на коричневый напиток, в котором кружились чёрные чаинки. «Давай…» – со вздохом Санька присел на стулик.

«Так ты всё-таки забрал у них то, за чем ходил?» – интересовался наставник. «А как же!» – отхлёбывал Санька из стакана. «Мне половину принеси», – кивнул головой он Сашке. «Сколько?» – чуть не вспрыгнул со стула парнишка. «Да ладно-ладно. Проверял я тебя. Четверть принесёшь, – сказал Александр и, заметив, как у мальчишки поджалась губа, дополнил. – Да не себе я это беру… Для дела надо. Мужикам».

Каким мужикам, и для какого дела нужны были честно заработанные, пропитанные страхом и Гердиной мочой деньги, Сашка тогда не знал и даже не представлял. Да, честно-то сказать, ещё и не время было для этого… Позже… Всё позже…

***

Никакие уговоры остепениться маленького Сашку не останавливали. И даже, когда он слышал ругань матери и принимал побои от старших братьев, в его крови рождалась только новая и новая злость, от которой вкус «Фламинго» хотелось чувствовать назло, причём, как можно больше и чаще. Поэтому после очередного штрафа Александров смог продержаться не больше двух месяцев. И не из-за того, что он исправился, а из-за того, что выжидал, пока разойдутся круги и появится тихая гладь. Как на рыбалке…

***

Ключи на этот раз поселковый воришка нашёл в электросчётчике. Подхватил за колечко, по-хозяйски открыл замок и, захлопнув двери, спокойненько отправился по своим делам. Он собрал все деньги по шкафам и зашёл в узкую комнатку, больше напоминающую спальню, стены которой были усыпаны жёлто-белыми одуванчиками. Бледными. Сашка посмотрел на фотографию у тяжёлого школьного стола и остолбенел: «Что за лицо знакомое? Да эта девка на два класса старше меня! Во попадос!.. Ну, ща я и тебя обнесу, моя дорогая…»

Поочерёдно сорванец открывал ящики стола, разглядывая зелёные тетради, как в двери заскрежетал ключ. «Опять? Я же снял уже ключ! Второй что ли есть?» – промелькнула мысль в Саниной голове.

Звук шагов, закрывающейся двери и голоса матери и дочки заставили его биться в панике: «Куда? Куда мне деться?! Ужас! Всё пропало! За двери! Скорей!»

Мальчишка встал за белые межкомнатные двери и одной фалангой указательного пальца придерживал её, чтоб та не открылась.

«Вера, котлеты разогревать? Или только супа поедим?» – спрашивала мать дочку. «Да, мам, как хочешь. Смотри сама», – приближался девчачий голос к комнате.

Мелкая изморось выступила у Саньки на лбу, подбородке и над верхней губой. Сашка наклонился немного назад и задел головой за какую-то тряпку. Обернулся и увидел, что на вешалке висит… халат! Цветастый, фланелевый Веркин халат! «Всё пропало! Щас она переодеваться придёт, а я тут! Если рыпнусь, до окна добегу, а фортку открыть не успею! Тфуты!» – лихорадочно бегали мысли в Сашкиной голове.

«Я сейчас, мам, форму только сниму, чтоб не испачкать», – говорила прилежная ученица матери, в то время, как Сашкин живот подтягивался до самых рёбер, а путей отхода, как не было, так и не появилось.

В комнате показалась Верка. Тоненькая. Красивая. С длинной косой. Она сняла накрахмаленный фартук, за которым вверх потянулась форма. Сашкин взгляд проскользнул по её телу, запнулся о длинные ноги и зажмурился от стеснения. В белых трусах и майке девчонка шла к дверям, за которым висел её халат.

«Ве-ра… Идёшь? Всё разогрелось!» – звала её мама. «Да щас уже!» – крикнула дочка в ответ.

«Иди, иди, миленькая, поешь. Тебе нужно. Вишь, какая худенькая. Иди, супчика, котлеточку. Иди, всё там умни, ради Бога», – молился только что придуманной молитвой Сашка на Верку.

Дверь открылась, и вместо любимого халата Верка увидела ошарашенного Санька. Глаза школьницы приобрели форму пятака, а Санька приставил палец к своему рту и, прошипел, как змея: «Тш-ш-ш-ш». Верка не закричала, но одним взглядом показала, что не понимает, что здесь происходит. «Тихо-тихо-тихо», – шептал ей Сашка. Худышка смотрела на него, прикрывала себя рукой и молчала, а потом также шепотом спросила: «Ты чё тут делаешь?» «Я тебе потом объясню, только сделай так, чтобы мама твоя меня не заметила», – не придумал, что ей сказать, Санька.

«А вообще, – оглядел он её и заметил, что она довольно симпатична. – Я тебе хотел сюрприз сделать». «А как ты здесь оказался?» – разглядывала она ученика из младших классов, стоящего у неё в комнате, за дверью. «Да меня пацаны подсадили, я и залез. Чо тут – первый этаж! Ерундовина!» – раздухарился сорванец. «Да-а? Ерундовина? Я вот сейчас маму-то позову, мы и посмотрим: ерундовина или нет», – стояла руки в боки вредная девчонка.

«Не, не надо. Ты знаешь, мы же с тобой в одной школе учимся», – пытался уговорить её Санька. «Я вообще… в кино хотел с тобой сходить!» – не ожидая сам от себя такого ответа, выпалил Сашка.

Вера аккуратно прикрыла дверь и кивком головы показала Сашке, чтоб тот подал ей халат. Она порхала, как бабочка, в своём цветастом, а Санька продолжал ей вешать лапшу на уши: «Понимаешь, я не знал, как с тобой познакомиться. Думал, что ты одна сейчас придёшь, и тут я! В школе-то ты меня совсем не замечаешь…»

«Хорошо, вечером ко мне придёшь?» – воодушевилась Вера. «Конечно! Я через два дома и живу-то!» – снова соврал радостный Сашка. «Повелась!» – табуном проскакали Санины мысли.

«А как ты выйдешь отсюда?» – шёпотом, чтоб не выдать тайного поклонника, говорила Верочка. «А ты мне окно открой, я через него и выйду», – шептал Сашка, чувствуя в кармане все собранные в их доме купюры. Вера повиновалась, и через пару секунд похититель денег и девичьих сердец бежал по дворовой тропинке. «Ура! Я их сделал!» – восторгался вор.

***

В лисьей шапке накопилось уже порядком и золота, и монет, и советских купюр. Особенно Санька ценил кольца и цепочки. Насмотревшись мультфильмов и начитавшись сказок, он мечтал иметь много золота. И по-своему парнишка был богат. Правда, деньги эти подолгу здесь не задерживались. Они расходились на друзей, которым нужно было отчитаться перед своими родителями за каждый рубль. Сашка же мог достать из кармана, сколько ему было нужно и купить, что угодно. Так, постепенно у его друзей появлялись джинсы, фотоаппараты, дорогие краски и всё, что только им могло понадобиться. Не хватало у него денег только на семью. Может, из-за этого дома его и недолюбливают, думал Сашка. Да и на это ему было уже тоже плевать. Пока он был со своей компанией, которая росла вместе с его ворованным состоянием, он не вспоминал о них, как впрочем, и они о нём. Чувство равнодушия, воспитанное в мальчишке с малых лет, а может, и вовсе – впитанное с молоком матери – заставляло его быть таким, каким он был – холодным ко всему. Хотя нет, не ко всему. К Толстому он относился, как к родному. А тот платил такой же монетой. Он даже деньги, потраченные Александровым на него, пытался потихоньку возвращать.

***

– Слушай, Русик, а ты тогда, ну в ментовке… откуда знал, сколько денег мы потратили? – спрашивал Сашка лучшего друга, прогуливаясь по летнему двору.

– Так я считал по дороге… – отломив веточку у ивого куста, разросшегося у тротуара, ответил Толстый.

– В смысле?

– Я всегда считаю. У меня же их не бывает столько, как у тебя…

«Смотри! «Минск»! – увидел Санька, как мужик парковал к подъезду мотоцикл. Он заглушил мотор и, не забрав ключ из зажигания, зашёл в дом. «Пойдём, глянем!» – предложил Александров Кезаве и не заметил, как тот ринулся вперёд его.

– Давай прокатимся? – смотрел пухленьким личиком Толстый на Саню.

– Ты чо? – отговаривал Сашка. – С ума что ли?

– А чо? Я этого знаю! Он по-любому пьяный! Спорим, спать щас завалится – он напротив нас живёт, я точно знаю! Так и будет! – тараторил Толстый.

– Эх! Ну, давай! – согласился Санька!

– Чур, я веду! – выкрикнул Русик.

***

За рулём, и правда, сидел Толстый. Кое-как малолетние друзья выехали на трассу и мчали по прямой три километра, пока не свернули на лесную дорогу, на которой несколько раз падали и вставали, после чего отвалилось крыло.

– Вот и доверяй тебе управление после этого, – причмокивал языком о верхнее небо Сашка.

– Да чего? Щас приедем, поставим на место, да и убежим, – планировал Русик.

– Убежи-им! Насмеши-ил! – истерично смеялся Сашка, предвкушая, что его ждёт во дворе.

А он и не ошибался. Когда они с Толстым подкатили к тому самому подъезду, около него их уже ждал наряд милиции…

***

В тот же вечер Саньке откатали пальцы. Толстого почему-то не тронули. Конечно, он ведь тут не причём! Какой из него зачинщик?! Славный, добрый мальчик, который просто любит поесть. Поэтому у него из списка грехов только этот. Остальные же, касающиеся шести пальцев, принадлежат только Саньке… Эх!

«Есть всё-таки справедливость! Есть! – думал Сашка, сидящий в углу своей комнаты, на синей от материных побоев заднице. – За мотик платить будут обе мамки! Не только моя!»

В то время Сашка не знал, что радоваться такой справедливости ему останется всего каких-то пять дней, после которых пройдёт очередная внеочередная комиссия по делам несовершеннолетних, его мать прилюдно пристыдят вместе с мамкой Толстого. И если детсадовская повариха будет отстаивать своего пухляша до последнего, то Санькина мать плюнет, и устав от позора, с лёгкостью сдаст воришку … в интернат.

Интернат

На табличку «Череповецкий дом–интернат для детей–сирот №2» Сашка смотрел, как на надгробную. Он понимал, что сюда его привезли не на день и не на два, и даже не до выходных. Фраза «пока не исправишься», звучавшая в его голове Ленкиным голосом, говорила совсем о другом.

«Давай скорей!» – шла мамка по коридору и громко подзывала Сашку, тащившегося позади неё и разглядывающего многочисленные белые двери. Его взгляд скользил по полосочке, разделяющей стену на две половины: синюю нижнюю и белую верхную, пока не споткнулся о новую дверь.

– Тут стой, – приказала мать, поставив парнишку к дверной ручке. – Жди!

– А ты? – провожая её взглядом и им же пытаясь остановить, впервые жалобно спросил Сашка. – Ты-то куда? Я с тобой хочу…

– Здесь пока поживёшь недолго! Я на автобус опаздываю!

– Недолго? – на автомате спросил ребёнок, и, вспомнив что-то, прикусил нижнюю губу. – Как Денис что ли?..

– Как вести себя будешь! Понял?! – поправляя серую шерстяную шапку, серьёзно произнесла Надежда Николаевна. – А Денис… Что Денис? Нашёл о ком говорить: как не умел себя вести, так и не научился. Слушал бы мать, не сидел бы сейчас на малолетке. Всё! Я побежала! Стой! Придут за тобой!

Сашка стоял у кабинета директора и кого-то ждал. Мать в тёмно-синем демисезонном плаще прошуршала по коридору и скрылась в дверном проходе. Ком подкатил к Сашкиному горлу, и ему хотелось кричать. Казалось, вместе с воздухом он вдыхал острые ножи, которые резали все внутренности и не давали ему этого сделать. Одними губами прошептал он слово «мама», которое для него теперь было каким-то непонятным, чужим. «Мама» теперь означало не как у всех, что-то мягкое и доброе, а вечно чего-то боящееся, предающее, отказывающееся.

***

– Привет! – услышал Санька откуда-то сбоку.

– Привет… – выдохнул он расстроенно в ответ.

– Ты чего? Новенький? – спросил его тощий пацан.

– Я? Да… – не мог отойти Сашка.

– Так чего в кабинет не заходишь? Надежда Николаевна тут, наверно…

– Нет, ушла… А ты её откуда знаешь? – встрепенулся Сашка. – А… по Денису, наверно… Ты брата моего знаешь, да?

– Какого брата? Ты чё? Не знаю я твоего брата! – напрягая брови, доказывал малец.

– А причём тогда тут Надежда Николаевна? Мать же это моя… – выворачивая от нервов себе шею, не унимался Санька.

– Слушай, я про директоршу нашу. А что мать у тебя есть, я не знал! Тут их ни у кого нет, а у тебя есть – вот те новость!

– Эх! – Сашка махнул рукой.

– Чего?

– Есть-есть у меня… И батько есть. Только пьёт сильно.

– Чо? И мать пьёт? – допытывался короткостриженый паренёк во фланелевой рубашонке.

– Мать? Не-ет! Некогда ей, на двух работах работает! Она у меня хорошая! – не заметил, как встал на её защиту, Санька. – Она знаешь, какая у меня!

– Ну… расскажи мне какая… – скрестил тот руки на груди и встал в позу. – Такая-растакая, что тут тебя оставила!

– Так исправляться ж! – раздухарился Санька.

– Да-а? Исправляться? – рассмеялся тощий. – Я тут почти с рождения, ещё не видел таких. А, кстати, чего тебе исправить-то нужно? Нос, рот? Это я могу! Тут одного на днях так разрисовал, мама, не горюй. Такой втык потом получил, но это фигня: видеть сливу на роже у Сивого – бесценно!

– Да не-е… Перестань! Меня однозначно заберут! – не понятно кого больше уверял Санька.

– Заберут-заберут… И поддадут ещё… – скабрезничал тот и, резко остановившись, вцепился взглядом в прорезиненные полосочки на свитере Сашки.

– Слу-ушай! – начал подходить он к Саньке. – У тебя щас одежду всё равно заберут. Дай мне свои подтяжки!

– Ещё чего! – вспомнив последний свой День рождения дома, на который мать со всеми братьями и сёстрами подарили эти подтяжки, Сашка отступил на шаг назад.

– Да дай… Чего – жалко что ли?

– У пчёлки в попке! Ничего я тебе не дам! Свои иметь нужно! – упирался Санька.

Тощий подбежал к парнишке и рывком попытался сдёрнуть подтяжки. «Охренел что ли?!» – сразмаху Санька сунул ему по губам. Они, как шарик, катались по полу интерната, пока не уткнулись в ноги директрисы.

«Надежда Николаевна!» – выпрямился по стойке смирно Сашкин противник. «Что ещё здесь такое происходит? – возвышалась она на каблуках в туфлях-лодочках! – Коля, опять у новенького вещи отбирал?! Оба ко мне в кабинет!» «О, заодно и оформят тебя!» – как ни в чём не бывало, чуть ли не под ручку шёл рядом с Санькой новый знакомый. Интернатовский.

***

Толпы одинаковых мальчиков, одинаковых девочек ходили по зданию, перетекали из кабинета в кабинет, выходили из одной спальной комнаты и заходили в другую. «К себе забирайся! – наткнулась воспиталка на Димку. – Опять к девочкам пошёл? В туале-ет! Будет мне лапшу на уши вешать! Быстро к себе!»

Сашка лежал под одеялом и в щёлку вглядывался в раскрытые двери, где отчитывали Сивого: «Вот придурок… Опять попался. Говорили же ему – ночью пойдём. Нет – попёрся!»

Свет погас, и сотня мальчишек дружно повернулась на бок, положила ладошки под головушки и заснула до утра. Но только не Сашка, Сивый и Колька. Эти под сопенье и храп товарищей мелким бесом продвигались к комнате девчонок.

– Пасту взял? – спрашивал Колька у Саньки.

– Пасту? Забыл…

– Я порошок взял, – перебил Сивый их разговоры.

– Чё мы им порошком на лбу рисовать-то будем?

– Можно в ноздри задуть! – предлагал Димка. – Разнообразие! А чё – у Наташки, к примеру, лоб маленький – слово из трёх букв даже не помещается, а нос большой! Видал какой?

– Да видал-видал. Шнобель! – в голос засмеялся Коля, и его рука открыла дверь в спальню девчонок.

Белым облаком зубного порошка встретил их слабый пол интерната, который по любым законам и порядкам должен был уже давно смотреть сны. «Вот дуры!» – жмурили пацанята глаза и пытались выцарапать из них тонкими пальчиками белые комочки. Наташка со Светкой не унимались и продолжали поочерёдно открывать белые круглые коробочки и обильно сыпать пыльцу на парней: «Это вам за вчера, засранцы!»

***

Туалет на третьем этаже был хоть и женским, но такой там был удобный подоконник, да и окно замазано до половины, что по ночам в нём собирались все.

– Фортку, фортку откройте, – приказывала шёпотом Натаха. – Унюхают – всем капец настанет.

– Чёлку не подпали! – придерживая её волосы на лбу, Сашка пытался помочь ей подкуриться.

– Не ссы, не подпалю! – выдыхала она облако дыма. – Светке тоже подкури.

– Я не буду! – отрезала та.

– А чё это? – посмотрел на неё Колька.

– Бросаю. Надоело…

– Благородно, – вставил Санька и посмотрел на Коляна: А ты где сиги-то берёшь?

– Покупаю! Где? – усмехнулся тот.

– На какие шиши?

– Ворую! – гордо ответил тот.

– Где? В Череповце?

– А что здесь такого?

– Не, я на посёлке у себя тоже промышлял. В квартиры ползал! У меня дома-то целая шапка драгоценностей лежит. Лисья…

– Да ну! Хватит врать-то! – загыкали девки.

– Ничего это я не вру! Честно! – доказывал Санька, спрыгнув с подоконника. – Я, знаете, профессионал какой! Тридцать квартир обнёс! Ни одну не доказали!

– Ха! Ну, докажи! Давай завтра? – предложил Колян.

– Завтра? Завтра… Завтра нет, не могу, – замямлил Санька.

– Ну, послезавтра давай!

– И после… не могу…

– В смысле?

– Нц, – причмокнул Александров языком о нёбо. – Так меня вообще отсюда не выпустят. Да и там-то чо? Я всех почти знал, да и по наводке работал – наверняка. А тут город большой. Не деревня. Как полезешь?

– Хорошо. Не лазь, – вступил Колька. – Знаешь, кликуха какая у меня?

– Деньга… – проговорил Санька.

– А почему, тоже знаешь? – не отводил пристального взора Колян.

– Догадываюсь…

– А ты не догадывайся. Завтра со мной пойдёшь. Зарабатывать…

– В смысле?

– В коромысле! Достало мне одному всех тут обеспечивать. В паре работать будем. Деньги-то всем нужны, – сказал Деньга и, подкинув горящую спичку к белому потолку, вышел из туалета.

Наполовину обгоревшие спички, как маленькие пиявки свисали с потолка, который был ими усыпан напропалую. Детские голоса покинули помещение, и там погас свет.

***

Яркие лампы зажглись в общей спальной, как только Сивый, Санька и Колька забрались под свои байковые одеяльца. «Встать!» – слетели тонкие перины с каждого из них. Злые воспитательницы стояли над ними. «Этих двух налысо! – показала одна другой на Димку с Коляном. – Этого к стене».

Мальчишки, не сопротивляясь, шли за интернатовским парикмахером, которым был ночной сторож. Сашку же в одних трусах и майке поставили к стене с поднятыми руками. Пальцы щупали мелкие выпуклости покрашенной с ляпами стены, скользили по застывшим капелькам и по жёсткой команде злой толстой тётки «выше делай!» вытягивались из плеч так, что ныло под лопатками.

– За что? – вырвалось у Сани.

– За всё хорошее! – запихала она подожжённую спичку ему в трусы, которая перед самой резинкой неожиданно потухла.

– Вот чёрт! Повезло тебе! – поняв свою оплошность, произнесла воспиталка. – И чтоб так всю ночь стоял! Приду – проверю!

«Левый! – крикнула она в пространство комнаты. – Ты следить будешь! Понял?!»

Она шмыгнула носом и, оскалив рот, произнесла: «У-у! Щ-щенята!»

Рассохшаяся белая дверь захлопнулась, и Левый присел на краюшек чьей-то кровати, стоящей возле залипшего на стене Санька.

– Санёк, терпи, – произнёс Левый.

– Да мне нормально. Чего терпеть-то, – говорил спиной Сашка.

– Это первые 15 минут только, потом всё заболит…

– С чего это? Ты что – вправду будешь за мной следить что ли? Я щас спать лягу, да и всё.

– С ума сошёл?! Ты представляешь, что тогда будет?

– Конечно! Я высплюсь!

– Дурак! Если увидят, что ты лёг, заставят стоять всю ночь с поднятыми руками…

– Я и так стою.

– Не тебя… Всех!

– Как это?

– Так это… Порядки такие. Вот.

– Порядки, говоришь?.. А почему меня с пациками не увели? Куда их?

– В подстригательную комнату. Скоро вернутся – увидишь.

– А чего там? Почему меня не взяли?

– Так ты в первый раз попался, а они во второй…

– И чего?

– Ничего. Во второй налысо бреют.

– Налысо? Как шарик что ли?

– Типа того… – опираясь на тоненькие коленки руками-прутиками, шептал Левый.

– Слушай, а что за кликуха такая у тебя позорная – Левый?

– Нормальная, чо – левой рукой пишу. Левша я.

– А ешь которой?

– Есть обеими могу. Причём сразу. Сам знаешь, как тут едят…

– Эх, да… Такого я ещё не видел. Это вам не дома…

«Заткнётесь вы там?» – послышался мальчишеский голос из-под одеяла. Сашка еле повернул голову, чтоб посмотреть, кто это ляпнул. Белые кроватки, усыпавшие спальню, не колыхались, и, казалось, в них никого нет. Только изредка кое-где выскальзывала чья-то вогнутая ступня.

– А чего это? Спать не даём что ли кому? – задал вопрос в пустоту Саня.

– Не даёте, – послышался шёпот. – Левый, выключи свет, а! Достали!

Левый, с осанкой, похожей на крючок или даже больше напоминающей вопросительный знак, поплёлся к выключателю. Он медленно подносил палец к кнопке, как в дверях показались два бобика.

– Нифига, как вас! – оглянулся Санька. – Обрили-то… Светитесь!

– Покурили, называется, – шёл к нему Деньга, почёсывая затылок. – Как завтра с такими монетами на голове на дело пойдём?

– Как-как? В шапках! – нашёл выход из положения Сашка.

Сивый потихонечку пробрался к своей кровати и начал снимать наволочку с подушки.

– Ты чё это? – крикнул ему Санёк. – Сегодня ж меняли!

«Да отстань от него, – кинул Деньга. – У него башка вечно мёрзнет. Глянь, он сейчас вместо платка её оденет, и спать так заберётся».

– Чудные люди… – ринулся Санька в сторону своей кровати.

«Ты куда? Вставай обратно?!» – испуганно шёпотом взывал к Александрову Левый. «Сам стой!» – бросил в него свои носки Саня. «Ты чего? Охренел?! – чуть не плача заступался за себя тощий парнишка. – Я же как лучше хочу!» «И я как лучше, – укрываясь одеяльцем, говорил Сашка. – Носки одень, чтоб стоять было не холодно. Пол там, как во дворце… у Снежной Королевы».

***

«Что за нахрен? – ходили дубинки по спине Левого. – Где другой? Ты что должен был делать?!» «Следить, чтоб стоял с поднятыми руками!» – пытался сказать тощий. «Вста-ать! Всем!» – нёсся злой крик.

Заспанные парнишки повскакивали со своих кроватей и в недоумении смотрели на красно-синюю спину Левого и пышущую нервным жаром воспиталку. Сашка спал. И не двигался с места.

«Вот ублюдок!» – подошла к нему жируха и отходила палкой по одеялу. Сашка начал отмахиваться и попытался забиться под сетчатую кровать. «Я тебя научу уму-разуму!» – вытаскивала она его за ногу, по которой нещадно долбила резиновой дубинкой. Она схватила его за волосы и потащила по проходу между кроватями к выходу: «Я из тебя сделаю человека!» Сашка продолжал упираться и кричать «Отпусти!», но это её только раззадоривало. Она пинала его мощными ногами, причём делала это остервенело, как будто находилась в состоянии аффекта и ничего не понимала. Схватила попавшийся на глаза зонтик и, выволочив мальчишку в коридор, добивала его уже там.

– Лида! Лидка! Стой, с..ка! Ты что делаешь?! – увидела картину Надежда Николаевна. – Под суд же всех отдадут! Ты кого посадить решила? Меня?!

На крики прибежал сторож и оттащил свихнувшуюся санитарку. Директорша отвела Саньку к себе в кабинет, куда по телефону срочно вызвала медичку, заставившую зашивать разорванного мальца тут же.

– Так у меня и анестезии никакой нет, – разводила та руками.

– Зоя, какая анестезия? Нам главное, подлатать его сейчас! – ходила из угла в угол директорша.

Рассечённая Сашкина бровь и дыра над губой кровоточили водопадом. Он сидел прислонённый к стене и не чувствовал тело. Казалось, душа и вовсе его покинула или спряталась далеко-далеко в пятки. Потому как не попало только по ним.

Забрякал стеклянный графин с отточенной пробкой и бесцветной струйкой из него вылилась вода в белую чашечку. Трясущаяся рука с большим перстнем схватила её за ручку и поднесла к фиолетовым губам Надежды Николаевны. Чашка пробежалась дрожью по белым зубам и резко упала на прежнее место. «Тфу-ты! Руки как трясутся! Пить даже не могу! – смотрела она, как Зоя зашивает Сашку. – Ну что там? Получается?»

«Да я ещё только подхожу», – подносила та иголку к коже. Сашка резко открыл глаза и попробовал рвануть к дверям, но сил не было, и он тут же упал. «Сиди уже… Терпи… – тихо просила его санитарка, вставляя в рот жгут из тряпки. – Зашьём сейчас, как новенький будешь. Не ты первый, не ты последний»…

***

– Лидка, ты чего? Ты же могла его убить! – курили в туалете директорша и воспиталка.

– Да? Наверно, могла… – вытягивала губы трубочкой, выпуская сигаретный дым, женщина-бугай.

– Что с тобой? Это уже в третий раз… Что за приход? Ты себя совсем не контролируешь… – стряхивала Надежда Николаевна пепел в унитаз.

– Надя, ты в отпуске, когда была? Пять лет назад? То-то же! А я – восемь! Да я тут сама, как режимница. Эти утырки, кого хочешь доведут. Не могу больше… Ты погляди же: они воруют друг у друга, нас задирают, ведут себя, как аморальные уроды… Я просто не выдержала.

– И не жалеешь?

– Не-а, – выпустила она дым колечками изо рта.

***

Утром Санька проснулся в своей кровати и еле раскрыл слипшиеся от запекшейся крови глаза. Рядом с ним сидел Деньга и ждал, когда тот очнётся.

– Гляди-ка, даже не забинтовали тебя, – вздыхал Колян над Александровым… Да… Ну и угораздило же нас вчера!

– Ага… нас… – еле шевелил губами Саня и вдруг встрепенулся. – А где все? Сколько времени сейчас?

– На учёбе. Мне разрешили с тобой остаться. Помочь тебе…

– Слушай, все, наверно, на меня злятся?

– За что?

– Ну как же! Их, наверно, всех обрили!?

– Переста-ань! Что ты?! Они из-за тебя с Лидкой так переполошились, что про нас и забыли!

– Ну, слава Богу, а то я уж переживал…

Деньга встал с кровати и пошёл к столику, стоящему у светлого окна.

– Ты куда? – не мог оторвать голову от подушки Санька.

– Да я тут, за едой тебе, – нёс тот металлический подносик с морсом, хлебом и кашей.

Кусочек чёрного соскочил на белое одеяло, но жилистая Санькина пятерня быстро его подхватила и запихала в рот.

– Ешь, ешь… – смотрел на друга Колян. – Набирайся сил. У нас ещё много дел сегодня…

– Сегодня?

– Но я думал, сегодня мне можно отлежаться.

– В том-то и дело, что можно… Значит, в школе тебя искать не будут. И меня тоже. Щас мы напихаем трябухи под одеяло и фш-ш-ш отсюда!

– Слушай, Деньга, – перекладывая поднос с пустой посудой на рядом стоящую кровать, говорил Санька. – Я в квартиры больше не полезу… Хватит с меня! В последний раз на такую горячую парочку нарвался, что-то больше не хочется!..

– Чо – избили что ли?

– Ха! Избили! Хуже!.. Потом как-нибудь этот позор расскажу…

– Ой, успокойся. Не надо ни в какие квартиры залезать. Достаточно залезть в карманы!

– А как?! Ты с ума сошёл?! Всё же заметят они! Вдруг почувствуют? – всполошился Александров.

– Не почувствуют! Уметь надо!

– Ну вот…

– Так чо – ссышь? Тебя научу! Щас часов в 12 в городе толкучка будет. В любом автобике.

– Ну?..

– Но мы в любой не полезем. Пойдём по отработанному плану.

– Это по какому же? – Санька чесал затылок.

– В рабочий полезем! Они с химзавода едут битком! При такой толкотне точно ничего не заметят!

***

Красный автобус подрулил к остановке. И, прыгая через лужу в раскрывшиеся узенькие двери, дружки перетекали из одного конца толкучки в другой. Толстые животы пассажиров упирались в чужие спины, сумки, висящие на локтях, требыхались на уровне грудной клетки мальцов, а фирменные демисезонные плащи так и шелестели в ушах.

– Осторожнее! – кто-то сверху возмутился на Санька, указывая на свою ногу, поверх которой стоял Сашкин потёртый ботинок.

– Ой, простите! Я не хотел… – извинялся оробевший мальчишка.

«Ш-ш-ш! – свистнул Колян. – Ща выходим!»

***

Две пары одинаковых ботинок утопали в жёлтой листве, а потом взрывом раскидывали её по тротуару. Сырые листья, залежавшиеся в золотой луже, будто ждали своей очереди.

– Терь твоя очередь! – кричал Деньга, бегая по лужам, перепрыгивая с одной на другую.

– Чего это моя? Ты денег взял?

– Взя-аал, – в довольной улыбке расплылся Колян.

– Как это взял? А когда успел?

– Так спасибо Александрову!

– За что это мне?

– Ты со своей ногой отвлёк всё внимание на себя! Я у одного мужика и свистнул!

– Лопатник покажи? – не верил Сашка.

– Лопатник? – засмеялся Деньга. – Ты что, девочка? Ты с кем сейчас разговариваешь? Забыл? Я же профессионал! А первое правило профессионала: взял деньги – скинул лопатник.

Деньга достал из кармана купюры и, показав Саньке лишь краешек от них, засунул обратно.

– Блин, а мне? Ты же сказал, научишь…

– Деньга слов на ветер не бросает. Сказал – научу, значит, научу.

Они шли по городу, и со стороны выглядело, будто двое мальчишек обсуждают какую-то игру или безумно интересный предмет. Потому что один размахивал руками, а другой внимал каждому его слову и щурил впалые глаза.

«Смотри или боковые карманы, или задние. Если они оттопырены – там могут быть деньги. И да: в первую очередь щупай правый карман, потому как многие всё-таки правши, – вёл свой урок учитель карманного воровства. – Запомни: пихать нужно только два пальца! Два! Всю руку ни в коем случае! Понял? Всю-то руку сразу просекут!»

***

Саня понял всю технику и методику за два раза. С третьего уже в автобусе он чувствовал себя профи. Давка в транспорте играла важнейшую роль. На руку шли и тряски. Александров изучил все места, где тряхнёт, с какой стороны лучше подходить к носителю кошелька и невозмутимо брал то, за чем он шёл.

Вкус «фламинго» на время забытый при переезде на новое место снова ощущался во рту. Но это был далёкий привкус, который только разжигал нёбо и просил «шоколада» ещё и ещё…

***

Он попался единственный раз, когда ехал без Деньги. Это был какой-то необычный день. Необычный, потому как раньше, после охоты в одиночку, он всегда возвращался с добычей.

Давка и в этот раз сыграла на него. Полная женщина стояла держась за поручень и смотрела в окно. Санька просунул ей два своих тощих пальца в карман и тут же ощутил, как тёплая пухленькая рука взяла его за запястье и крепко сжала. Мальчишка оторопел и встал, как вкопанный. Он не понимал, что происходит: почему его руку держат, но молчат. Почему никто не кричит, что поймал воришку? Что это? Он боялся поднять глаза вверх и посмотреть на своего стража. Единственная мысль, посещавшая его голову в серой шапке: «Что будет дальше?» Бежать он не мог – сильная рука, вряд ли бы, его отпустила. Кричать? Помилуйте.

Три остановки они проехали вместе. Такая милая пара: мама с сыном. Тёткина авоська, вихлявшаяся из стороны в сторону на её локте, то и дело била по Саньке. Но он терпел. «Куда она меня везёт? – думал воришка. – Наверно, в милицию… Дожили! Сейчас меня ещё и посадят! Надо как-то сбежать… Ну когда же мы выйдем? На какой остановке?»

«Конечная», – вдруг объявили из-за множества взрослых спин. Тётка за руку вывела Александрова на улицу. Отвела в сторону и посмотрела в его глубокие глаза: «Ну и зачем ты ко мне полез? Ты интернатовский что ли?»

– Да, тётенька, интернатовский, – пытаясь разжалобить её, мальчишка распахнул куртку из-под которой виднелась всем известная в этих местах фланелевая рубашка и синие брюки, служившие даже не эмблемой того места, в котором находился на содержании Сашка, а меткой. Такой меткой, какую узнавали все горожане. Санька хотел и шапку снять в доказательство, но вдруг вспомнил, что, как назло, его вчера не обрили наголо.

– И чего тебе? – допытывалась тётка.

– Я хотел покушать купить. Я же интернатовский. На ужин не успею и всё – голодом буду ходить. Там же не дадут поесть… – не выходил из образа страждущих Сашка.

– А родители у тебя есть? – спрашивала побеждённая.

– Не-ет, ни мамки, ни папки… Один я, – поверив и сам в эти слова, говорил маленький Санька. – Не сдавайте меня, пожалуйста, в милицию. Я больше не буду так. Честно! Обещаю вам!

– Честное пионерское? – наклонилась к Саньке тётка и потеребила его за раскрасневшуюся на ветру щёку.

– Конечно, честное! – чуть не вскрикнул Санька, вспомнив, как недавно у него отнимали это прекрасное звание. Но он не переживал. Тогда по этому поводу переживала только мамка. Слеза, которую от него ждали в посёлке, выкатилась только здесь, перед толстой искренней тётенькой, пожалевшей его по-настоящему.

– Смотри, больше так не делай, – достала она из кошелька три рубля, а из авоськи – большое красное яблоко. – Держи! И помни: другие тебя сразу в ментовку отведут, жалеть не будут. Так что думай головой, а не тем местом, на котором сидишь.

Сашке такая речь понравилась и он заулыбался: «Конечно, тётенька. Я знаю. Спасибо Вам огромное!»

Довольный и растроганный, интернатовский мальчишка шагал по переулкам и дворам, пока не наткнулся на… кулинарию. Не думая ни секунды, он просочился сквозь двери и уже вертелся у пирожков и кондитерки. «Мне с печёнкой! Пять!» – вспоминал он голос Толстого, с которым совсем недавно они ходили по рынку, воровали ему запчасти для фотика и бегали курить на чердак. «Эх… – печально смотрел Сашка в своё прошлое. – Где, интересно, сейчас Русик. И как там мотик?.. Уже, наверно, расплатились… Хотя куда там? Мамке столько за пару месяцев ни в жизнь не заработать!»

– Мальчик, чего тебе? – окрикнул его голос продавщицы.

– Мне? Мне… – растерялся Сашка. – Два с печёнкой, три с картошкой, пять витушек…

Он перечислил ещё несколько наименований и попросил добавить ещё, чтобы потратить всю трёшку. Завернул всё в серую бумагу и отправился в интернат.

Санька щурил глаза и смотрел на фонари. Длинные лучики разбегались в разные стороны и обрывались за пределами радужной оболочки Сашкиного глаза. Он шёл вдоль многоэтажек и по старой привычке заглядывал в окна. Как тогда, со своим Витькой. Где-то уголок чьей-то мамы помешивал что-то за шторкой. Вдруг вытягивался, доставая руками до потолка, чей-то папа. Неожиданно выглядывала серая кошка, а порой какая-то бабушка махала ему рукой. «Ой, что это я!» – очнувшись от этого, передёрнулся Сашка. Ему так хотелось домой, что слёзы непроизвольно выкатывались на глаза и ждали, когда Санька разрешит им спуститься по щеке. Но он не давал. Огромным усилием мальчишка сдерживал солёную воду на больших глазах – перевёрнутых капельках – и шёл дальше.

***

Вахтёрша сидела внизу и никого уже не запускала и не выпускала. Что поделать – должность такая. Сашку такое положение дел не расстраивало и даже не огорчало. У него были свои входы и выходы. Он спокойненько проходил через чердак. Деньга научил. Дверь там всегда была открыта, а по пожарной лестнице забраться туда и вовсе нехитрое дело!

«Ну, как поработал?» – встретил его Колян. «Нормально», – вздохнул Санька. «Вот – держите, – подал он кулёк подбежавшим девчонкам. – От Толстого привет…» «От кого?» – стояли они в недоумении. «Да… не спрашивайте», – махнул Сашка рукой.

Он подошёл к своей кровати, вытащил из-под одеяла три подушки, разбросал их по постелям друзей и забрался с головой под покрывало. Синее с белым, оно просвечивало в некоторых местах от изрядных протёртостей, и в них-то и попадал луч от люстры. Сашка водил

пальцем по узору и периодически вытирал сырые щёки. Вдруг он усмехнулся, вспомнив, как поперхнулся Смола. В его глазах возникали образы несущегося по лесной дороге Русика, продавщицы из ларька, где покупали в первый раз сигареты, а затем пред ним предстал и дядя Армен… Ириски… Лисья шапка… Мамка…

«Эх, всё! С меня хватит!» – решительно, почти вслух сказал Сашка.

***

Он не дождался и пяти часов утра. Вскочил, когда стрелка на навесных часах отбила без двадцати. «Пора!» – решил не сомкнувший за всю ночь глаз Сашка. Он натянул на себя побыстрому одежду и, крадучись, шёл к чердаку.

Ободрав ладошку о зазубрину на холодной металлической пожарной лестнице, он, прощаясь с интернатом, окинул взглядом спящие окна и помчался навстречу счастью. Домой.

Со времён, когда он считал себя домашним, помнил, что от Первомайской отходит рабочий автобус в посёлок, прошло не так много времени. Главное успеть. Главное – не опоздать. Малец бежал по мокрым дорожкам и уже представлял, как радостно его встретят дома, как обнимет мамка, Толстый, Смола! Э-эх!

В пол шестого одну смену отвозили домой, другую забирали на работу. Вот в этот-то автобус и заскочил пацанёнок. Он забился в самый конец и тонкими пальцами рисовал узоры на запотевшем окне. Потом стирал их, вырисовывая большой светлый шар, через который можно было наблюдать, что происходит на улице. Голые деревья и тёмно-зелёные сосны мелькали одна за одной, и вскоре в Сашкиной груди появилось то волнительное, будоражащее чувство, которое может испытать только человек, соскучившийся по Родине, настрадавшийся, ностальгирующий и помнящий, какой в ларьке на улице Ленина вкусный и хрустящий хлеб. То самое радостное и одновременно печальное чувство свербило в Санькиной груди, когда автобус повернул по до боли знакомому маршруту.

«О, Семёныч идёт! Нифига се, в какую рань-перерань! Наверно, со смены! – увидел проходящего мимо участкового Санька. – Ну, Байцев даёт!»

Странно, но мальчишка почему-то испытал даже радость, когда увидел Никиту Семёныча.

Большие колёса притормозили, смешав грязь на остановке, и из автобуса посыпался народ. Вместе с ними выплыл и Санька. Он тихо, разглядывая каждый куст, сараюшку и знакомые дома, двигался к родительскому дому.

***

Он дотянулся замёрзшей рукой до звонка и нажал на кнопку. Не сработало. Опять всё сломано. Папка, наверно, приходил. Сашка постучал в косяк. Потом ещё раз. А затем, разозлившись, пнул ногой. Послышались шаги и хриплый мамкин голос: «Чего тебе?!»

– Ма, это не папка! Это я! Ма-ма! – обрадованно кричал Сашка.

– Кто это ещё «я»? – спросонья слышалось из-за дверей.

– Саша… – обиженно произнёс ненужный сын.

Дверь открылась, и в проходе показалась мать в белой ночнухе. Она вылупила свои глаза на отпрыска, и сна будто и не было до этого. «Что ты здесь делаешь?» – спрашивала она Саньку. «Мам, я всё. Исправился. Жить – домой приехал! Ты рада?» – всматривался в неё Санька и ждал, что она ответит ему взаимностью. «Рада?! Конечно, рада! Так рада, что с ума бы не сойти!» – ходила она взад и вперёд по коридору.

Санька ждал, что она обнимет его, расцелует… Да хотя бы погладит по голове! Но вместо этого мать крутила барабан телефона и, дозвонившись до пункта, от неё он слышал только одно: «Как допустили, что мальчик сбежал?! Что за халатность?! Почему такая безответственность?! Конечно, выезжайте!»

– Зачем сбежал?! – накидывала Надежда Николаевна на себя фланелевый халат.

– Я соскучился… К тебе хотел…

– Ага! Говори теперь! Ни слову! Ни единому твоему слову не верю! Позорник! На всё село осрамил! Ещё совести хватило припереться!

– Но мам…

– Не мамкай! Сказано было, что там будешь учиться теперь, вот и учись!

– Да я и учился! – кричал мальчишка сквозь слёзы. – Но ведь вы меня даже на выходные не забираете! Я как не домашний! У меня же вы есть!

– Ой, хватит, а?! – смотрела на него женщина, которой было параллельно.

Незакрытая дверь распахнулась, и в проёме показалась Лидия Ивановна. Лидка! «Надежда Николаевна, Вы уж извините! Пришлось вон с завхозом на «Буханке» добираться. Так задержались немного», – тараторила она, поправляя съехавшую шапку и фыркая носом, чтоб случайно не слетела сопля. «Сашенька, давай одевайся, поехали в школу», – не смотря на ребёнка, звала воспиталка мальца. «Так, а я и не раздет», – обиженно перевёл он взгляд с матери на неё. «Ну и тем лучше, поехали обратно. Покатался и хватит», – делала вид, будто она сама доброта, жируха.

«Вы следите там за ним получше… чтоб больше не убегал!» – наказывала интернатовской даме мать. Это последние слова, которые в тот день от своей родительницы слышал Санька. Ни пройди-покушай, ни погрейся, ни будешь ли чаю, сынок… Всё это было только в воображении Сашки. Там жили все его несбывшиеся мечты.

***

За шторкой, в кабине «Буханки» Санька сидел один. Спереди только слышался заразительный смех завхоза, да Лидкины шутки. На тоненькой скамейке, оббитой кожзамом, Саньку кидало из стороны в сторону. Да он и не сопротивлялся. Той боли, которую он получил сегодня утром дома, он не получит уже нигде. Отказались.

Ему хотелось вернуться и накричать, укусить, ударить её! Но проходило пять секунд, и он думал, что лучше бы сильно-пресильно обнял!

«Выходи! Приехали!» – скомандовала Лидка Сане. «Федь, обреешь щас?» – обратилась она к водителю.

***

– Знаешь, а лысому тебе ещё и лучше! – успокаивала его Светка в туалете. – Вон у тебя череп какой!

– Какой это, интересно? – сбрасывал пепел с истлевшей сигареты Сашка.

– А такой, красивый! – засмущалась подруга.

– А ты чего это – закурила? – смотрел на неё Александров.

– Ага, – выдохнула та. – Мы ж с утра пошли вас пастой мазать, а тебя нет. Всё здание опползали! Я расстроилась. Ну, вот Колян и угостил меня…

– Понятно, – выдохнул Санька.

– Хорошо хоть, просто подстригли… Могли бы и сам знаешь чего… – переживала Светка.

– А и пофиг! Всё равно убегу!

Сашка поймал непонимающий взгляд девчонки и добавил:

– Я ведь не Ленки, не Витьки, ни Толстого… Никогошеньки повидать не успел…

– А мамку?

– Нет у меня больше мамки, Свет… Нет…

***

Ему запретили смотреть со всеми телевизор, отказали в походах в кино и думали, такими методами отучат воспитанника от побегов. Но разве можно птице запретить летать?.. С утра он ходил в школу и учился вместе со всеми, а после обеда, когда имелось свободное время, Санька, как и все, занимался своими делами. Только «свои» дела у него были не как у всех. Как у Деньги. Но и его он больше не посвящал в свои планы. Из форточника интернат пере-

квалифицировал его в щипача, вора-карманника. Да такого умелого, что, проехав несколько остановок, он мог неделю жить спокойно. И ещё пара–тройка человек из его приближенных тоже. В основном деньги тратились на Деньгу, Светку и Натаху. Иногда, из плаксивых побуждений, лишняя копейка перепадала страждущим. То есть Левому. О его заслугах Санька помнил всегда. Тем не менее сколько бы у мальчишки ни появлялось друзей, его всегда тянуло домой. Он почему-то продолжал слепо надеяться, что мать одумается и скажет, мол, хватит с тебя интерната, оставайся здесь, мы скучаем. И так тепло ему становилось от этой мысли. Казалось, будто тёплым одеялом укутали во время посиделок у костра. Так душевно… Что каждый раз после таких раздумий Санька был полон воодушевления и уверенности, что на этот-то раз его точно примут. Что в каждый следующий раз всё будет точно по-другому. Что мама… покажет свою любовь. Ведь она есть! Есть? Точно есть?..

***

– Левы-ый… Левый! Э! Слышь, ты?! – шёпотом кричал Сашка в утренней темноте спящему пацану.

Большие глаза Левого были затянуты тонкими веками и даже не дёргались. Длинный нос выдувал сопение.

Сашка потеребил его за плечи и наклонился к уху: «Подушку свою под моё одеяло запихай…»

– Ты куда?! – всполошился Левый.

– На кудыкину гору… воровать помидоры… К мамке поехал!..

– К мамке… – мечтательно произнёс Левый, прикрыв глаза.

– Да, к мамке… К мамке и к Толстому… – также мечтательно сказал Санька. – Ты… это… вместо меня на кровати чо-нить смастери… Ну?..

– Ага… Сделаю… – укладывая обратно свою голову, бормотал Левый.

– Э-э-э! – схватил почти лысый череп интернатовского друга Сашка. – Сначала чучело сделай, а потом дрыхни, сколько хочешь!..

***

Автобус на завод уходил с Первомайской. Оттуда Санька добирался до гаражей, ждал, когда пойдёт рабочий автобус и вместе со всем людом по проверенной схеме ехал домой…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.